

Александр Золотько

Зубы дракона

ОХОТНИК

Александр Золотько

Зубы дракона

«Автор»

2001

Золотько А. К.

Зубы дракона / А. К. Золотько — «Автор», 2001 — (Охотник)

ISBN 966-03-1537-6

«Вначале Шатову показалось, что сон продолжается. По лицу приятно скользило что-то теплое и ласковое, над ухом стрекотал кузнечик... Не бывает, расслабленно подумал Шатов. И еще этот совершенно нереальный легкий ветерок. Не бывает. Для того чтобы все это было на самом деле, Шатову пришлось бы выехать за город, найти симпатичную полянку и завалиться спать, забыв о работе и проблемах. И об осторожности, подумал Шатов, и мышцы живота непроизвольно напряглись. Осторожность...» Текст книги представлен в авторской редакции.

ISBN 966-03-1537-6

© Золотько А. К., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Золотько

Зубы дракона

Моему сыну, Александру Александровичу Золотько, с надеждой и любовью.

Часть 1

Глава 1

Вначале Шатову показалось, что сон продолжается. По лицу приятно скользило что-то теплое и ласковое, над ухом стрекотал кузнечик... Не бывает, расслабленно подумал Шатов. И еще этот совершенно нереальный легкий ветерок.

Не бывает.

Для того чтобы все это было на самом деле, Шатову пришлось бы выехать за город, найти симпатичную полянку и завалиться спать, забыв о работе и проблемах. И об осторожности, подумал Шатов, и мышцы живота непроизвольно напряглись. Осторожность.

Зачесался шрам на щеке. Это вам, Шатов, напоминание о неосторожности. То, что у вас в руке пистолет, а у супостата в груди пуля, вовсе не значит, что вам, Евгений Шатов, ничего не угрожает.

Как очень верно заметил товарищ Хорунжий в своем дежурном выступлении вечером на кухне у Шатова, осторожность – это такое блюдо, которым нельзя объесться. Миша имеет склонность к иносказаниям и просто обожает подкреплять теоретические выкладки практическими уроками. Посему, сразу после слова «объесться» он попытался вклепить Шатову подзатыльник, но просчитался. Шатов был настороже, удар пришелся в пустоту, а Хорунжий получил увесистую пощечину. Как знак признательности ученика заботливому учителю.

Вспомнив это, Шатов улыбнулся, не открывая глаз. Какие хорошие мысли, все-таки, приходят ему сквозь сон. Замечательные. Ему тогда удалось впервые не только предугадать действия безжалостного Хорунжего, но даже и нанести удар возмездия.

При этом Хорунжий, кажется, не слишком поддавался. Это даже Вита, обычно скептически настроенная к успехам супруга, подтвердила. Супруга.

Я не хочу просыпаться, подумал Шатов. Это ведь так замечательно – лежать с закрытыми глазами и думать о том, что Вита, наконец, вышла за него замуж. И стала его женой. Законной женой. И свидетелем на их свадьбе был Хорунжий, который хоть и сволочь, но...

Улыбка Шатова неприлично расползлась до ушей.

Замечательно. Такой замечательный и добрый сон может быть только перед замечательным добрым днем. Сегодня не зазвонит будильник, а подойдет Вита...

Не подойдет. Он в командировке. И если он сейчас откроет глаза, то увидит потолок гостиничного номера. А если повернет голову налево, то увидит стоящую возле противоположной стены кровать и праздно валяющегося на ней фотографа Никиту.

Что-то поползло по щеке Шатова. И это уже не сон. А что может ползать по лицу постояльцев единственной гостиницы райцентра? Шатов резко сел, стряхнув рукой с лица насекомое. Вот так у него в жизни всегда.

Все вроде бы идет нормально, а потом вдруг...

Ведь спал человек, видел прекрасный сон с прекрасными мыслями и воспоминаниями. Чем это могло помешать таракану-пруссак-клопу? Ведь просто спал человек...

Или не спал?

То, что увидел Шатов, открыв глаза, гостиничный номер напоминало не слишком. Мало напоминало. Вообще не было гостиничным номером.

Сосны. Трава. Солнце. Речка в отдалении. Откуда-то сверху доносится пение какой-то птицы. Не исключено даже, что жаворонка.

Красиво.

Но какое все это имеет отношение к Шатову? Или, если ставить вопрос правильно, какого черта он здесь делает?

Хотя, поправил себя Шатов, что именно Шатов здесь делает, как раз понятно. Он сидит на траве и обалдело озирается вокруг. А перед этим он, видимо, валялся на той же траве в позе Андрея Болконского на поле Аустерлица и убеждал себя в том, что спит.

А на самом деле...

Черт. Шатов еще раз огляделся. И сосны, и речка, и жаворонок никуда не делись.

И что прикажете делать в таком случае? Хорошие вопросы задаете, Евгений Шатов! Так ведь я все-таки профессиональный журналист, задавать вопросы – моя специальность. Ну тогда, Евгений Шатов, сами и ответьте на свой вопрос. Анализировать – это тоже ваша профессия.

По порядку, напомнил себе Шатов, нужно все свои размышления строить по порядку. И воспоминания нужно выстраивать по порядку. И если в воспоминаниях вдруг обнаружится дыра, то вот тогда и нужно будет паниковать. А пока – нужно просто подумать.

Значит так. Третьего дня шеф намекнул Шатову, что выпадает тому дальняя дорога по казенному интересу в передовой район для отражения экономических и социальных процессов... И так далее. Кислое выражение на лице Шатова шефа не убедило, и к вечеру того же дня пришлось убить в сопровождении фотографа. В райцентр они попали далеко за полночь, но, вопреки опасениям, их ждали и вселили в гостиничный номер.

Пока пробелов в воспоминаниях не было. Шатов поздравил себя с этим небольшим успехом. И тут же себя тепло поблагодарил за поздравление. И поморщился.

Вот эти внутренние диалоги – плохой признак. Это значит, что Шатов начинает играть сам с собой в прятки. Что же ты юлишь, Шатов? Не нужно. Нужно честно сотрудничать с самим собой. Иначе ничего ты не сможешь понять и вспомнить.

И ведь что обидно – не было вчера никакой пьянки. И даже намек не было. Это Шатов помнил точно. Правда, обычно обильная выпивка не наносила такой урон памяти Шатова, но ведь все когда-нибудь случается в первый раз.

С позавчерашним днем все ясно, а вот вчерашний день выглядит каким-то куцым. Ранний подъем. Плотный завтрак. Красная физиономия хозяина района, широкая дежурная улыбка млажавого господина, назвавшего себя пресс-секретарем хозяина, оголенные по самые некуда ноги секретарши...

Машина – чудовище из породы «джипов» – приняла в свой салон Шатова, Никиту и пресс-секретаря, а еще одна машина, на этот раз «уазик» с брезентовым верхом, вместила в себя трех спортивного вида парней, несколько туго набитых сумок и с пяток ящиков...

Ага, был вынужден признать Шатов, выпивка все-таки имела место. Во всяком случае – запас ее был достаточен. Так может, где-то здесь неподалеку валяются еще и местные жители, рискнувшие своей печенью во имя гостей?

Шатов поднялся на ноги, отряхнул джинсы и прислушался к своим ощущениям. Голова не болела. Желудок не ныл, и язык был как язык, а не наждак. И пить не так чтобы очень хотелось.

Проведем маленький эксперимент. Резкий наклон вперед. И быстро выпрямиться. Оп. И что? Ни малейшего толчка в голову. И тошнота полностью отсутствует. Либо в этих благо-словенных краях научились преодолевать похмелье, либо Шатов вчера не пил.

Да и возможные собутыльники, насколько мог видеть Шатов, в окрестностях отсутство-вали. После того, как Шатов встал, расширив тем самым свой кругозор, ничего нового в поле зрение не попало. Шатов оглянулся. Попало.

Оказалось, что вершина холма прикрывала несколько небольших домов дачного типа, разбросанных между соснами метрах в двухстах от Шатова. Насколько можно было судить с этого расстояния, даже улицы как таковой не было. Просто с десятков домиков, поставленных в произвольном порядке. Или в творческом беспорядке.

Это что ж получается? Выходит, хозяева гостей напоили, разбросали их где попало, а потом сами ушли спать в помещение. Свинство какое! Я вот за это напишу, что социально-эко-номические процессы в вашем районе зашли в тупик, и главным вашим достижением является умение поить и ронять гостей. А Никита подкрепит это снимками...

Вот Никита – сволочь. Бросить своего коллегу и в, данной командировке, начальника на произвол судьбы. А, между прочим, такие классные парни, как журналист Шатов, на дороге не валяются. Шатов посмотрел под ноги. Они валяются на тропинке.

А рядом с ними валяется их походно-командировочная сумка, которую... Минутку. Что бы там не случилось с памятью Шатова, но он совершенно точно помнил, что оставил свою поклажу в гостиничном номере. Хозяин района обещал, что к ночи они вернутся.

Шатов присел на корточки возле сумки, осторожно, словно чего-то опасаясь, потянул бегунок змейки. И что он ожидал увидеть в собственной сумке? Вещи и вещи. И мыло, и зубная щетка, и... Какого хрена? Он совершенно точно помнил, как сразу по приезду в гостиницу распаковал сумку, разложил туалетные принадлежности в ванной на полочке перед зеркалом.

Что-то тут не так. Шатову показалось, что по спине скользнул легкий холодный ветерок. Он катастрофически не помнил, как и, главное, зачем, собирал свои вещи. И когда.

Шатов оглянулся через плечо на домики. Пойти спросить? Здравствуйте, а не подскажете ли заезжему журналисту, чего это он валяется в беспамятстве. И сидит также в беспамятстве. И вон даже встал – и все равно в беспамятстве. Тут у вас, часом, вчера попойки не было? Нет? А к вам часто так попадают люди, забывшие, зачем именно их посадили в «джип» и куда повезли?

Стоп-стоп-стоп. Повезли их как раз в некое арендное предприятие, демонстрировать потрясающих коров, молочные реки и счастливых тружеников села.

«Уазик» выдвинулся в голову их небольшой колонны, за несколько минут они проехали весь райцентр насквозь, и углубились в леса.

Добротные, почти не тронутые цивилизацией чащи разом обступили машины, и Никита... Точно, Никита, сидевший справа от Шатова, задумчиво сказал, что в таком лесу до сих пор должны водиться партизаны.

Водитель при этом неодобрительно хрюкнул, а пресс-секретарь, оглянувшись с переднего сидения, сказал...

Что он сказал?

Что-то такое, что заставило Никиту присвистнуть, а Шатова постучать себе по лбу, ввиду отсутствия вблизи другого дерева.

А! Вспомнил. Пресс-секретарь сделал заговорщицкое лицо и сообщил, не для печати, естественно, что несколько дней назад из близлежащей зоны выпорхнуло несколько птичек. Он так и сказал, несколько жеманно, «птичек». И уже даже был случай нападения на машину. Но нам опасаться нечего, так как специально на этот случай в передней машине находятся ребята из милиции, вооруженные и крепкие.

Как начала восстанавливаться память, порадовался Шатов. Просто семимильными шагами. Еще немного, и он вспомнит, как испугался, потребовал вернуться в райцентр, как вернулся туда, собрал, матерясь, вещи в сумку и... И что? Решил перед отъездом полежать на траве?

Шатов застегнул сумку, взял ее за ручки и выпрямился. В любом случае сидеть здесь бессмысленно. Нужно добраться до цивилизации, завладеть телефоном и позвонить шефу. Может быть, он чего-нибудь прояснит.

И не лишним будет выяснить, куда именно занесла его нелегкая. И, чем черт не шутит, найти Никиту и связаться с...

Шатов почувствовал, как что-то холодное прикоснулось к его внутренностям. Вначале осторожно скользнуло, а потом властно и безжалостно их сжало. Найти Никиту. Почему это так подействовало на Шатова?

Они ехали в машине, после слов пресс-секретаря Никита переложил свой кофр под ноги и замолчал. Шатов тоже не стал углубляться в расспросы, но молчание Никиты было какое-то напряженное.

Так, в тишине, они проехали около часа, потом...

Черт возьми! Потом. Потом... Шатов застонал и помотал головой. Именно это он попытался забыть. Именно то, что произошло потом.

«Уазик», свернув, скрылся из виду. Водитель «джипа» чуть притормозил, проезжая здоровенную лужу. И в этот момент что-то грохнуло. Или, скорее, оглушительно треснуло. Раз. И еще раз.

«Джип» повернул, резко затормозил. Шатова качнуло вперед. Что-то снова треснуло, и Шатову показалось, будто весь мир разом покрылся густой сеткой трещин. Или это раскололось лобовое стекло?

Что-то невнятно прокричал пресс-секретарь. Лобовое стекло разлетелось вдребезги от нового выстрела. Только в тот момент Шатов понял, что это были выстрелы.

Кто-то рванул Шатова за одежду. Никита. Он успел распахнуть дверцу и выбраться из машины. Никита мог нырнуть в кусты, но остановился и потянул за собой Шатова.

Снова выстрел. Несколько выстрелов подряд. Взрыв, и Шатов краем глаза увидел багровую вспышку там, где остановился «уазик». Вооруженная и крепкая охрана, подумал тогда Шатов, одновременно поражаясь нелепости этой мысли.

– Бегом, – выкрикнул Никита.

– Да... я... – промямлил Шатов, оглядываясь.

Водитель откинулся в кресле, неестественно запрокинув голову. Пресс-секретарь пытался открыть дверцу.

И тут грохнуло над самым ухом Шатова.

Это стрелял Никита.

Раз и еще раз.

Шатов вытал из машины и стал на четвереньки.

– В лес, живей! – скомандовал Никита и снова выстрелил.

Живей. В лес. Шатов рванулся стремительно, как с низкого старта. Никита выстрелил снова.

Что-то он еще выкрикнул, но голос его перекрыла длинная автоматная очередь.

Ветки больно хлестнули Шатова по лицу. Дерево! Шатов метнулся в сторону. Еще дерево. Шатов оттолкнулся руками от замиленного ствола и побежал.

Сзади раздался выстрел. Крик. Автоматная очередь, внезапно оборвавшаяся после одиночного выстрела.

Шатов попытался оглянуться на бегу, но споткнулся о какую-то корягу и пропахал борозду в лежащих мокрых прошлогодних листьях.

Вскочил, ошалело ругаясь, снова побежал.

Сзади бухнули три выстрела. И длинная-длинная очередь из автомата.

И тишина.

Только треск веток и шелест листьев. И удары сердца...

Все это он так хотел забыть, что даже смог. Он не смог заставить себя не вспоминать. Шатов прислонился к сосне.

Он бежал. Измазавшись в грязи и расцарапав руки и лицо...

Шатов посмотрел на свои ладони. Царапина. Свежая вчерашняя царапина. На внешней стороне ладони – ссадина. Это он пытался удержаться за дерево, поскользнувшись в очередной раз.

Сколько он бежал? Час? Два? Пять минут? И куда он добежал?

Лес. Темный, угрюмый и мокрый лес. Лишь изредка желтым пятном на бурой листве мелькали солнечные лучи.

Деревья-деревья-деревья... Хрип. Удары сердца. Шум крови в ушах. А потом...

Господи...

Шатов выронил сумку. Ему показалось, что сердце остановилось. Дернулось, трепыхнулось и мертвым комком рухнуло в бездну.

Кто-то оказался на пути у Шатова. Там, в лесу, вдруг кто-то шагнул навстречу Шатову. Он не рассмотрел лица. Силуэт выдвинулся из-за толстого дерева и поднял руку.

Шатов вскрикнул, попытался остановиться, но поскользнулся и упал навзничь. Засучил ногами, пытаясь если не встать, то хотя бы отползти подальше.

Ноги скользили, разбрасывая обрывки листьев, а силуэт приближался.

Потом Шатов увидел дуло оружия. Черный кружок. Все исчезло – силуэт, лес. Только дуло.

И выстрел.

...Сосны. Трава. Луг и река. Домики. И жаворонок где-то возле самого солнца.

Шатов осторожно расстегнул рубашу на груди. Ничего. Только тело. Раны нет. Но ведь он вспомнил выстрел и вспомнил, как все разом исчезло после этого выстрела.

Вот ссадины на руках. Вот...

Подожди, Шатов, ты же успел вывалиться в грязи, прежде чем тебя... Чистые джинсы. Чистая и глаженная рубаша. И белые кроссовки, черт возьми, белые. Если он действительно бежал через лес... Если он действительно рухнул и получил... Если он рухнул, то кто и когда его подобрал, привел в порядок?... И зачем оставил лежать в траве?

И сумка. Шатов снова расстегнул сумку и еще раз осмотрел ее содержимое. Все то, что Вита сложила ему перед поездкой. Кто ее забрал из гостиницы? И зачем?

Если его подобрали люди, которые потом попали в гостиницу, то почему они не оставили Шатова там, в гостинице?

Что с ним произошло? Что произошло с Шатовым после выстрела? И где, черт возьми, рана? И...

Руки задрожали.

Это все. Больше он ничего не может вспомнить. Или ему больше нечего вспоминать?

Сосны. Трава. Солнце. Жаворонок. Райская картина.

Райская.

Шатов улыбнулся. Попытался остановить улыбку, но она упрямо раздвигала его губы. Шатов засмеялся. Райская картина. Райская.

Хохот согнул Шатова вдвое, из глаз потекли слезы. Райская! Приступ истерического смеха швырнул Шатова на колени. Он в раю!

Просто – он в раю.

Его убили в том лесу, всадили пулю в грудь, и он попал в рай. Такой вот патриархальный, посконный и домотканый рай. Сусальный.

А сумка... Интересное, наверное, было выражение лица у горничной, когда архангел Гавриил заглянул в гостиницу, чтобы забрать вещички убиенного раба божьего Евгения Шатова.

Шатов всхлипнул и вытер глаза ладонью.

Как же, Гавриил! Послали кого-нибудь из небесного воинства, ангела помоложе. Салагу. У них там, в воинстве, наверняка тоже есть дедовщина. Дедовщина есть во всяком воинстве. Не нами это придумано, и не нами кончится.

Ну-ка, салабон, пулькой стоняй за шмотками Жеки Шатова. Мы тут его ждали уже. Он, бродяга, столько раз уже должен был к нам заглянуть, да все выкручивался. Да, и не забудь, когда вернешься, обмундирование его постирать и выгладить. Бегом, военный!

Шатов несколько раз глубоко вздохнул.

Как тебе эта мысль, Женечка? Не кисло? Убили тебя, и в рай притаранили. Потому что заслужил своей непримиримой борьбой с Драконом.

Дыхание восстановилось. Вот Дракона вспоминать не стоит. Всякий раз после таких воспоминаний начинает дико зудеть шрам на лице. И сосет под ложечкой. Правую руку сводит судорогой, словно она все еще продолжает сжимать пистолет. Он так и не увидел мертвого Дракона, хотя точно знает, что убил его. Несколько пуль в голову.

Хорунжий видел труп. Так что от Дракона остались только воспоминания. И сны. К счастью – редкие.

Но вспоминать о нем все равно не стоит. В конце концов, это все-таки человек, которого Шатов убил. Первый... Единственный, поправил себя Шатов. Единственный. Правда, только со второй попытки.

Шатов помотал головой. Не о том думаешь, Шатов. Думай о вчерашнем. Попробуй придумать, что именно с тобой произошло вчера, после того, как... Как тебя убили.

Кроме того, что ты попал в рай. Хотя это пока единственная версия, не имеющая внутренних противоречий, кроме неверия Шатова и сумки, заботливо сложенной для начала загробной жизни.

Чушь. Бред.

Надо просто себя убедить в том, что все вчерашнее ему просто привиделось. Ссадины и царапины? А он вчера перебрал водочки и, отойдя по нужде, свалился в кусты. Чем хреновая версия? И был так нажрамшись, что когда его попытались затащить на ночлег в домик, костырил всех матерно и был оставлен трезветь на лоне природы, с райскими пейзажами вокруг.

Так, всякое упоминание о рае пока лучше опустить, подумал Шатов.

Значит, что... А, сумка! А сумка появилась рядом с Шатовым, потому что он на самом деле забрал ее вчера из гостиницы. Автоматически сложил вещи в сумку, бросил сумку в машину, а потом, когда по пьяному делу все решили в городок не возвращаться, по врожденному жлобству сумку из машины забрал.

Значит, что должен делать журналист Шатов, попав в такую пьяную ситуацию? Правильно, идти разбираться с аборигенами. Вот, хотя бы в один из домиков. Идти и не думать при этом о загробной жизни. Фигня все это.

Шатов еще раз ощупал свое тело под рубахой. Если не считать мелких царапин – все в норме.

Застегнулся. Задернул «молнию» на сумке. Пригладил волосы.

Ладненько. Пошли к народу. Народ не соврет и на путь истинный направит. И правильно поймет, если ему объяснить все по поводу пьянки. У нас народ понятливый. И отзывчивый.

Кстати, а сколько сейчас времени? Шатов механически посмотрел на свое левое запястье. Здравствуй. Вот наконец-то произошло что-то понятное и родное. Нету часиков. Отсутствуют. Кто-то решил взять на память о Шатове его часы. И правильно. Идет, значит, местный житель на рыбалку. Пораньше. Смотрит – валяется на тропе в непотребном состоянии выдающийся журналист Шатов. И такую всенародную любовь к представителю прессы ощутил в этот момент местный житель, что немедленно взял себе на память часы. Будить не стал – гуманист. Пусть человек выпится после трудов праведных.

Деньги и удостоверение в кармане остались. Родная корочка красного цвета. В период демократизации журналисты, было, принялись делать удостоверения современные, пластиковые, но потом оказалось, что красные книжечки продолжают пользоваться в нашем народе и среди чиновничества большим доверием и уважением. И снова удостоверения стали красными.

Вот удостоверения и денег у Шатова не тронули. О чем это свидетельствует? А хрен его знает! Просто не взяли.

Хватит трепаться. Нужно идти к людям. Иначе он снова начнет вспоминать, как разлетелось от выстрела лобовое стекло, как страшно ощерился Никита, нажимая на спусковой крючок пистолета, как...

Все нормально, напомнил себе Шатов. Все – совершенно нормально. Нужно просто подойти к любому дому и постучать. Тут, в провинции, встают рано. И хотя солнце поднялось не очень высоко, шансов застать людей в постели не слишком много.

Думать нужно только об этом. И ни о чем другом. Постучать, поздороваться, спросить. Поблагодарить и уйти. Все проблемы имеют свойство разрешаться самым элементарным способом. Он даже и предположить не может, как на самом деле все вчера происходило. И хрен предугадает до тех пор, пока ему всего не объяснят.

И нечего ломать голову.

А вот дачи, кстати, домики напоминали только издалека. В даче должно быть что? Правильно – сад-огород, обнесенный давно некрашенным штакетником и несколько хозяйственных построек самого затрапезного вида. Там, сараюшка, навесик, беседка. Сортир типа «скворешник».

Так вот, всего этого возле домиков не было.

И домики были добротными постройками из кирпича, приземистые, с черепичными крышами, очень похожие друг на друга. У крайних домов трава заканчивалась сразу возле крыльца.

И тишина.

Есть такая история об осле, вспомнил Шатов. Кто-то очень умный высказал предположение, что осел, поставленный между двумя совершенно одинаковыми копнами сена, не сможет выбрать одну из них и умрет с голоду. Это между двумя копнами. А если выбрать нужно один из десятка домиков-близнецов?

Есть, конечно, практически беспроигрышный вариант. Нужно просто начать кричать что-нибудь привлекающее внимание. Набрать побольше воздуха и заорать, надсаживаясь, призывы ко всем людям доброй воли. Типа – кто-нибудь, отзовитесь! Выйдите на крылечки и побеседуйте с прохожим алкоголиком!

Шатов сплюнул от отвращения к самому себе. Все, в общем, с Евгением понятно. Сдрейфил Евгений. И сам не может понять, чего больше боится – того, что все ему вспомнившееся правда, или того, что нажрался до галлюцинаций.

А может быть, просто почувствовал что-то? Есть у него вредная привычка предчувствовать грядущие неприятности. Появилась с тех пор, как чуть не прирезали его в пустом доме, в десяти метрах от оживленной улицы. Привычка предчувствовать появилась, а привычки прислушиваться к этим предчувствиям он так и не выработал. К сожалению.

Зайти в крайний домик? Банально. Наверняка каждый, кто хотел чего-либо у местных жителей узнать, стучал в дверь крайнего домика. И хозяева в нем уже наверняка агрессивно реагируют на любого прохожего. Разве что не вывесили пред дверью объявления с предупреждением. Вот сам Шатов, например, на двери своего кабинета как-то вывесил плакатик: «Внимание! Представители оптовых фирм отстреливаются без предупреждения. Извините.».

В крайний домик не пойдем.

И в соседний с ним – тоже. У него... Ну не нравится Шатову следующий домик – и все. А вот... Да.

Два дома стояли практически крыльцом к крыльцу, всего метра три высокой густой травы отделяли их друг от друга. Что-то во всем этом было странное, но Шатов запретил себе вдаваться в подробности.

Выяснить и убраться к чертовой матери.

Добраться домой, рассказать всю дурацкую историю Вите... Баран. Историю мы расскажем Хорунжему, это он у нас человек закаленный и местами даже циничный. А Вите в ее положении лучше слушать истории приятные и веселые. А ни один вариант пока нельзя было назвать ни приятным, ни веселым. Муж с белой горячкой, или муж, в которого стреляли, да не убили – истории не для женщин на девятом месяце беременности.

Шатов двинулся к тому домику, что был по правую руку, но, сделав два шага, остановился. Лучше к левому. Почему? С чего это осел сделал такой выбор? С чего – с чего... У левого домика, задняя стена, там где обычно размещаются спальни, повернута к востоку, навстречу солнцу. Следовательно, спавший там человек неминуемо должен быть разбужен восходом, а тот, что спит в правом домике, все еще...

Дурак ты, Шатов, и мысли у тебя дурацкие. Надо же такое придумать! Откуда ты знаешь, как они спят и до скольки. Может, тот, что живет справа, страдает бессонницей и уже часов с пяти утра мечтает поговорить с кем-нибудь заблудившимся. А обитатель левого домика шлялся по бабам до самого утра и только-только сомкнул веки.

Левый домик, настойчиво повторил про себя Шатов. Все настоящие мужики ходят налево.

Ни одна из трех ступенек крыльца даже не скрипнула под ногами Шатова. Конкретно строили ребята, на совесть, отметил он. Крыльцо также было немзыкальным, широкие некрашенные доски были подогнаны плотно и на немаленький вес Шатова не реагировали.

Странно. Не то странно, что не скрипели доски, а то странно, что на крыльце было пусто и чисто. Все деревенские дома, с которыми близко был знаком Шатов, имели крыльцо достаточно захламленное. Баночки, веничек, тряпка – весь хлам, который еще мог понадобиться, но который лень было заносить в дом, в сени, первое по захламленности место в любом сельском доме.

Здесь же все было почти стерильно, но не безжизненно. Пыли, паутины по углам и всякого занесенного ветром мелкого мусора также не было.

Ну и бог с ним, с крыльцом, пресек свою несвоевременную наблюдательность Шатов. Нас интересует дверь и хозяин дома, за ней схоронившийся.

Тук-тук, кто в теремочке живет? Еще раз, тук-тук, кто в теремочке живет?

А в ответ – тишина, напел себе под нос Шатов, воровато огляделся по сторонам и стукнул в дверь ногой. Бац-бац! И снова. И опять. И еще раз. И по этому поводу есть хорошая цитата, на этот раз из «Свадьбы в Малиновке» – «Бац-бац и мимо!».

Ну не стоять же, в самом деле, здесь до бесконечности. Любой эксперимент нужно доводить до конца.

Шатов повернул дверную ручку. Дверь легко подалась. Открыто. Это вам не криминализованный город, здесь, возле самой земли-кормилицы... Ну и так далее. Держит человек дверь открытой – его дело. А наше дело, чтобы он не держал еще и собаку типа волкодава у себя в доме.

Шатов с трудом удержался, чтобы не прыснуть от смеха. Вспомнился старый, еще довоенный фильм «Тимур и его команда». Там девочка, кстати, тоже Женя, вошла в чужой дом, а тамошняя овчарка ее оттуда не выпустила. Потом, помнится, вмешался Тимур, и все было хорошо.

Ну что, девочка Женя, не страшно тебе заходить в чужой темный дом? Ой, дяденька, страшно. Ну, ничего, мы вместе, чего нам бояться. Первое – не перевернуть чего-нибудь в сених. Во всех фильмах в сених обязательно роняется что-нибудь оглушительно-жестяное, типа ведра. Оно гремит, перекачивается, вошедший матерится негромко, а потом извиняется перед хозяевами.

В этих сених ничего не было. Несколько полок под потолком. И тоже пустых. Но тоже нет ни малейших следов пыли и паутины. И запах совершенно жилой. И половицы не скрипят.

Шатов открыл внутреннюю дверь:

– День добрый!

Тишина.

– Есть в доме кто?

Шатов помолчал, потом добавил уже тише:

– Или там нет ни кого?

Большая комната, посреди ее – стол. Добротный, на массивных ножках, не крашенный. Четыре стула. В углу – камин. Диван, а напротив дивана – телевизор. Видеомагнитофон и небольшая этажерка с видеокассетами.

На полу толстый ковер медового цвета с простым орнаментом. На стене – еще один ковер, от угла до угла и от пола до потолка. Шатов уважительно покачал головой. Это да! Это поражает воображение куда сильнее, чем пошлый видак и телевизор в незапертом доме.

Возле оковрованной стены – низкая тахта.

На столе – ваза с цветами. Ваза хрустальная, а цветы – вчерашние. Икебаной Шатов никогда особо не увлекался, но тут букет явно составлялся рукой не изощренной, но щедрой.

Четыре двери.

Шатов аккуратно поставил свою сумку на тахту. Не хватало слоняться по чужому дому с сумкой в руках, как жулику.

За первой дверью справа скрывалась кухня. Добротная кухня, с мебелью темного дерева, полками с посудой, шкапами и чуланом. Чуланом, между прочим, очень прибранным и ухоженным. Но без продовольственных припасов.

Следующая дверь вела в спальню. Широкая кровать со свежей, не мятой постелью, шкафы, занавешенное окно, как убедился Шатов, выходило на север, а вовсе не на восток, так что нечего было умничать по этому поводу.

Двери по левой стене вели в еще одну спальню и в кабинет.

В кабинете Шатов задержался чуть дольше, взглянув на компьютер, и скользнув взглядом по заставленным книгами полкам. Да... Живут же люди.

Подборочка книг, как и их количество, внушала уважение. На первой полке в самом углу Шатов углядел даже одетую в обложки цвета хаки «Библиотеку красного командира» тридца-

тых годов издания. Такою полную «Библиотеку» Шатов видел только один раз в жизни, когда кто-то из первоклассников приволок ее в макулатуру, а десятиклассник Шатов позорно опоздал к делу.

– И все же, – вслух произнес Шатов, вернувшись в большую комнату, – где, черт возьми, хозяин, и что, дьявол побери, мне теперь делать?

Открылась входная дверь.

– Здравствуйте, – быстро поздоровался Шатов.

– Доброе утро, – с какой-то даже радостью в голосе приветствовал Шатова вошедший, – очень приятно. Дмитрий Петрович.

– Я... – Шатов пожал протянутую руку, – тут вот зашел, чтобы...

– Очень рад, – все так же радостно произнес Дмитрий Петрович, – необыкновенно. Вы уже осмотрелись?

– Да... То есть... – Шатов неопределенно пожал плечами.

Это хорошо, что он уже осмотрелся, или это продемонстрировало его невоспитанность?

– А я, знаете ли, вас в окно заметил, – Дмитрий Петрович указал пальцем куда-то в сторону, – видел, как вы подходили к дому. Знаете – это великолепно! Это просто потрясающе!

– Походка? – неуверенно спросил Шатов, начиная ощущать себя несколько неуютно.

– Походка! – засмеялся Дмитрий Петрович. – Великолепно. Походка! Разрешите – я сяду?

– В смысле... Садитесь.

– Это ничего, что я не использую модную нынче форму «присяду»? Некоторые реагируют на это излишне болезненно.

– Нет, пожалуйста, сидите сколько хотите, – разрешил Шатов.

Дмитрий Петрович отодвинул стул от стола и сел, аккуратно подпернув брюки. Кстати, отглаженные и весьма респектабельные.

Во всем облике Дмитрия Петровича была именно такая вот отглаженность и респектабельность. Коротко подстриженные седые волосы, белоснежная рубашка с твердым воротником и запонками в манжетах, светло-серые брюки и легкие замшевые туфли кофейного цвета.

Шатов потоптался немного, потом вздохнул и сел на тахту возле сумки. Нужно было что-то говорить, объяснить, что вошел случайно, только чтобы выяснить пару вопросов...

– Я... – начал Шатов.

– И как вам показался дом? – спросил Дмитрий Петрович.

– Да. Показался. Симпатичный, – Шатов чувствовал себя последним дураком, подбирая слова нейтральные, ни к чему его не обязывающие.

Мало ли как оно обернется...

– Вещи, я смотрю, вы еще не распаковали? – улыбнулся Дмитрий Петрович.

– Да. Нет, не распаковал.

– Но по домику уже прошлись?

– Прошелся, – признался Шатов. – Я вошел, покричал, но никто не отреагировал. Вот я и...

– Как вам библиотека?

– Я не то, чтобы...

– Замечательно. Человек, который ее собирал, был очень... э-э... своеобразным человеком, но в книгах разбирался весьма тонко, – Дмитрий Петрович улыбнулся вежливо, будто тот, кто подбирает библиотеку находился в этой комнате и очень нуждался в комплименте.

Шатов кашлянул.

– Если не секрет, – спросил Дмитрий Петрович, – вы уже и спальню выбрали? Южную или северную?

Понятно, подумал Шатов. Меня спутали с постояльцем. Кто-то должен был приехать сегодня, чтобы вселиться в дом, а тут подвернулся Шатов.

– Я, собственно, не собирался выбирать спальню... Тут, извините, видимо произошло недоразумение... Я, если честно, хотел только поговорить с хозяином, выяснить где тут можно найти телефон. Или, на худой конец, телеграф. Это звучит смешно, но я немного заблудился...

– Вы? Заблудились? – Дмитрий Петрович чуть приподнял брови. – Вы пришли совершенно точно. Я бы сказал – снайперски точно. Потрясающе. Я слышал о вас и раньше, но даже не предполагал...

– Извините, – перебил Шатов, – я не тот, за кого вы меня, наверное, приняли. Я просто – прохожий. Я искал...

– Побойтесь бога, дорогой мой, я ни на секунду не ошибся. Вы именно тот, за кого я вас принимаю. И я рад, что вы поселились возле меня, напротив. Тут, правда, все рядом, но ваш выбор, дом в который вы вошли...

Шатов зажмурился и досчитал в уме до десяти, делая между цифрами громадные паузы.

– Вам нездоровится? – участливо поинтересовался Дмитрий Петрович.

– Нет. Не в этом дело, – Шатов перевел дыхание, – я еще раз повторяю – я не собираюсь здесь селиться. Я вошел в дом случайно. Я мог вообще зайти в любой дом, а мог пройти мимо.

– Случайно! – почти вскричал Дмитрий Петрович. – Случайность – это всего лишь разновидность закономерности. Предопределенности. Вы не могли пройти мимо. И сейчас я понимаю, что вы не могли не поселиться в этом доме. Это даже немного пугает. Не каждый день...

Шатов встал и прошелся по комнате. Один из них явно сумасшедший, а второй присоединится к нему с минуты на минуту. Как еще можно объяснить этому бодрому старику, что только шел мимо и заглянул для того, чтобы спросить...

Мысль схватить сумку и стремительно покинуть поле боя Шатов отмел сразу. Не хватало еще, чтобы старик вцепился в него и, волочась за ногой, разглагольствовал о предопределенности и неизбежности поселения Шатова в чужой дом.

– Я, наверное, пойду, – сказал Шатов.

– Простите, куда? – поинтересовался Дмитрий Петрович.

– Искать телефон. А вообще – искать какой-нибудь транспорт в райцентр, – Шатов решительно взял сумку, неловко поклонился и шагнул к выходу.

– Ну куда же вы, Евгений Сергеевич? – ласково произнес Дмитрий Петрович.

– Что? – Шатов замер, а потом медленно повернулся к собеседнику.

– Я говорю, куда вы пойдете? Только что с дороги, устали, наверное? – Дмитрий Петрович легко встал со стула, подошел к Шатову и взял сумку у него из рук. – Присаживайтесь.

Сталь не сталь, но что-то металлическое прозвучало в голосе старика, заставив Шатова подчиниться. Как минимум, было интересно выяснить, откуда абориген знает его имя-отчество, и что все это значит.

Или все-таки начинает подтверждаться версия о белой горячке и потере памяти? Шатов вернулся на тахту.

– Когда стало известно, что вы приезжаете... – Дмитрий Петрович поставил сумку на пол, – я просто извелся в ожидании. Не каждый день, знаете ли... э-э... удастся встретиться с живой, если хотите, легендой. Но то, что я увидел сегодня утром – я даже надеяться на это не мог.

А вот я сейчас возьму тебя, дедуля, за горло и потрясу как следует, подумал Шатов. И ты перестанешь мне грузить всякую фигню о легенде и легендарных героях, а просто и внятно расскажешь обо всем, что касалось скромного, но гордого журналиста Шатова. Иначе я войду в легенду как Шатов-убиватель стариков.

Хотя... Можно откровенно рассказать Дмитрию Петровичу о том, что у нас имеется потеря памяти, что мы все на хрен забыли о том, как сюда попали и что вообще собирались

здесь делать. А дедушка расскажет, что это и есть то самое арендное предприятие, в которое их везли, а сам он сельский интеллигент, заведующий клубом, или смотритель здешнего музея боевой и трудовой славы, этнограф и культуртрегер. И с Шатовым общается потому, что тутошний директор и владелец повелеть изволили окружить гостя интеллигентной беседой.

– Жизнь у нас здесь размеренная, могла бы показаться даже скучной, но... – Дмитрий Петрович сделал паузу и поднял указательный палец, – умному человеку никогда не бывает скучно.

– Так то – умному, – тяжело вздохнул Шатов.

– Не нужно скромничать, Евгений Сергеевич, вот уж в чем у меня никогда не было сомнения, так это в вашем уме. Хотя, вы извините меня за откровенность, все-таки самым сильным вашим качеством является все-таки интуиция.

Шатов пробормотал что-то неразборчивое. Благодарить за комплимент, или обидеться? Его ум, видите ли, не дотягивает до его интуиции! За такие вещи в приличном обществе, можно и канделябром схлопотать, милостивый государь.

С другой стороны, то, что у старца не было сомнения в уме Шатова, говорит, как минимум, о том, что он следит за деятельностью Шатова уже некоторое время. Блин. Проклятый склероз. Что же теперь делать? Корчить из себя идиота, задавать наводящие вопросы и ждать, когда появится хоть одна знакомая физиономия?

– Вы проголодались? – спросил Дмитрий Петрович

– Я не задумывался об этом, – честно ответил Шатов и прислушался к своим ощущениям.

Похоже, что он бы сейчас не отказался от завтрака легкого, переходящего в плотный. И это наносит очередной удар по теории алкогольного отравления.

– Вижу, что не отказались бы, – утвердительно произнес Дмитрий Петрович.

– Не отказался бы, – Шатов даже изобразил улыбку на лице.

– Вот и славно, – Дмитрий Петрович оперся руками о колени, встал и направился к выходу.

Шатов молча смотрел ему в след. Старик обернулся и сказал:

– Судя по всему, Иринушка появится с минуты на минуту. Так что минут так через пятнадцать-двадцать милости прошу ко мне во дворец. А вы тем временем, можете принять душ. Дверь за Дмитрием Петровичем бесшумно закрылась.

Какие будут предложения, господин Шатов? А хрен его знает! Очень, очень информативный ответ. Глубокая мысль. Бездна ума. А что вы хотите? И старик, кстати, совершенно не похож на апостола Петра, если вы продолжаете мусолить идею о райской жизни.

Возьму вот сейчас вещи и уйду, куда глаза глядят. И пусть орет Дмитрий Петрович вдогонку, чего хочет. Уйти?

Шатов медленно покачал головой. Уйти он успеет всегда. Час туда, час сюда – ничего не изменят. Конечно, нужно позвонить Вите, чтобы она не волновалась, но и это можно будет сделать через некоторое время.

Мысль на счет душа, кстати, мысль не плохая. С одним только изъяном. Шатов, обходя дом, не заметил признаков санузлов.

Пройдемся еще раз.

Кухня.

Шатов методично обошел все помещение, открывая шкафы, обнаружил внушительные запасы посуды при полном отсутствии продуктов. Зато в одном из шкафов обнаружил умывальник и сушку для посуды.

Вода из крана текла прохладная. И вкусная, совершенно без привкуса хлорки. Как из родника.

Но душевой на кухне не было.

В спальне, на первый взгляд, тоже, но наученный опытом с умывальником, Шатов принялся искать в шкафах и обнаружил, что одна дверца отношения к шкафу не имеет, а ведет в небольшое помещение с еще двумя дверями: в туалет и ванную.

М-да, протянул Шатов, рассматривая сверкающую кафелем ванную, не то, чтобы в ванной можно было устраивать заплывы, но купаться в ней без толкотни могли человек пять одновременно.

Возле ванны размещался электронагреватель.

Хорошо они тут живут, пейзажи! А снаружи сразу и не скажешь.

Шатов потратил несколько минут на то, чтобы разобраться с нагревателем, потом разделся и залез в ванную, под душ.

Нормально. Все – нормально. Главное – не думать. Пусть течением несет пока... Пока что? Просто ни о чем не думать. Все прояснится. Все всегда проясняется, рано или поздно.

Шатов закрыл воду и тщательно вытерся махровым полотенцем, висевшим на стене, возле зеркала.

Кстати, о зеркале. Шатов еще раз внимательно осмотрел свое отражение. Ссадины и царапины, не более того. Но ведь откуда-то они взялись?

Так, ладно. Прекратили размышления. Бегом одеваться и... Черт. Еще раз – черт. Сто тысяч раз подряд – черт. Можно, конечно продолжать врать самому себе, что ничего не произошло, что все нормально, что ничего страшного не произошло. Можно, но это совершенно бессмысленно. Шатов прекрасно помнит, как все происходило. В этом весь ужас.

Классический вариант – человек теряет память. Он ничего не помнит и начинает искать свою память, наталкиваясь на всякие кошмары. Но Шатов помнит то, что случилось на дороге. Помнит, как бежал через лес. И что бы там с ним не происходило потом, после выстрела, ни в коей мере не может отменить того, что было до него.

Выстрелы, автоматные очереди, взрыв, Никита, стреляющий из пистолета... Стоп, откуда у Никиты пистолет? Не из газового же принялся отстреливаться фотограф? Носил с собой на всякий случай?

Странно. Стрельба на дороге, нападение на машины – это как раз можно объяснить. Сбежавшие уголовники, нападение ради денег, одежды и транспорта... А вот откуда у обычного фотокорреспондента с собой боевое оружие, и почему он, вместо того, чтобы отстреливаясь уйти в лес, остается прикрывать Шатова? Ведь он же действительно остался прикрывать. И стрелять он начал почти сразу же, без раздумий и колебаний, как будто был готов к этому.

Шатов оделся и присел на край тахты.

Что все это могло значить? Последующее пробуждение – ерунда. Нужно вначале понять, что и зачем происходило там, на лесной дороге. И если это удастся понять, то остальное придет само собой.

Или не придет.

Какого хрена, в конце концов, возмутился Шатов. Чего это он играет в эту идиотскую игру с недомолвками? Чего это его повело в сторону? Прямой вопрос подразумевает прямой ответ! Так или нет? Так.

И Дмитрий Петрович, кстати, разговор провел не слишком чисто, вдруг сообразил Шатов. Именно провел. Это был не естественный обмен репликами. Старик строил свою часть диалога так, чтобы как можно дольше держать Шатова в неведении. Словно ему очень нравилось делать вид, будто он принял Шатова за другого. Он ждал, что Шатов сам возьмет на себя инициативу и сам расскажет о своих проблемах. И только тогда, когда Шатов собрался уходить, старик назвал его по имени-отчеству.

Таки да. И что из этого следует? А из этого следует, что затевается нечто странное. Непонятное, а, значит, потенциально неприятное. Опасное. И лучше при этом держать ухо востро.

Но выбирать схему поведения нужно быстро. Или прикинуться, что ничего не произошло, или сразу взять быка за рога. Безопаснее первое, но второе значительно эффективнее. Если Дмитрий Петрович попытается увильнуть от прямого ответа, то всегда можно будет повернуться и уйти с чистой совестью.

Поговорим с дедушкой откровенно и по душам.

По-го-во-рим с де-душ-кой, продекламировал Шатов, выходя на крыльцо и потягиваясь. Вот я сейчас как поговорю с дедушкой, от всей души поболтаю, а если он и дальше попытается темнить... Он увидит, насколько Шатов страшен во гневе. И содрогнется. И все расскажет. И на руках отнесет Шатова к ближайшему телефону. Хотя, на руках – вряд ли. При всей бодрости – дед достаточно subtilen и ста килограммов Шатова нести на себе не сможет. А жаль. Это смотрелось бы очень и очень поучительно.

И бог с ним, обойдемся и просто точным указанием направления.

Дом Дмитрия Петровича был точной копией дома напротив. Такая же неестественная чистота крыльца и сеней, такие же не скрипучие полы... А вот обстановка отличалась разительно.

Мягкая. Вся комната была мягкой, с закругленными линиями трех диванов и множества кресел. На полу лежал до невозможности пушистый ярко-красный ковер, окна были наглухо занавешены тяжелыми, похожими на бархат шторами, и освещалась комната хрустальной люстрой на пять ламп и несколькими, хрустальными же бра на стенах.

Шатов замер на пороге, не решаясь ступить на ковер. Мелькнула, было, мысль разуться, но это было бы уже явным перебором. Что может быть нелепее человека, пришедшего для сурового разговора и суетливо снимающего туфли перед ковром. Здесь вам не Япония, господа.

– С легким паром вас, Евгений Сергеевич, – тоном гостеприимного хозяина приветствовал Шатова Дмитрий Петрович, – смело идите прямо по ковру, ибо, только попирая роскошь ногами, мы ощущаем всю полноту жизни.

Шатов с подозрением посмотрел на ковер, шагнул, внутренне приготовившись к тому, что провалится в него по колено.

– Вот сюда, пожалуйста, – Дмитрий Петрович указал через стол на стул напротив себя. – Иринushка как раз заканчивает.

– Я хотел все-таки... – присаживаясь к столу, начал Шатов, но Дмитрий Петрович прервал его решительным жестом.

– Потом. После завтрака. Не нужно портить себе одно из немногих удовольствий этой жизни. О делах можно поговорить потом, после завтрака.

– После завтрака вы скажете, что не нужно мешать процессу пищеварения. А потом – обеду. А потом...

– Замечательно, – засмеялся Дмитрий Петрович, – приблизительно так я все и представлял себе – решительность, целеустремленность на фоне интуитивного понимания ситуации и внутренней неуверенности. Великолепно.

Вот о внутренней нерешительности он зря. Чего это он решил, что можно препарировать психику Шатова прямо у него на глазах? Никто этого не разрешал дедушке, и он рискует нарваться на невежливое, как минимум, поведение. Вот сейчас...

Стоп. Спокойно. Реакции не будет. Знаем мы этих мелкотравчатых психологов, полагающих, что видят собеседника насквозь. И на мелкие ваши уловочки с провокациями мы также не поддадимся. Не дождетесь.

Шатов улыбнулся. Вежливо, как он надеялся, предельно вежливо и доброжелательно:

– Мне искренне жаль, если я нарушу ваше пищеварение, но, тем не менее, я хотел бы выяснить для себя некоторые моменты.

– Моменты. Моменты! Вся наша жизнь состоит из моментов. Приятных и не очень. Радостных и не слишком. Моменты...

– Да, моменты. Вышло так, что совершенно не помню того, как попал сюда, – Шатов кашлянул, проклиная себя за всплывшую откуда-то неловкость, – и даже не предполагаю, где сейчас нахожусь.

Дмитрий Петрович поцокал языком, но не сочувственно, а, как показалось Шатову, несколько констатирующе. Мол, вас понял, но...

Вообще, впорхнула Шатову в голову злая мысль, порядочные люди после такого заявления собеседника либо сразу же сообщают всю необходимую информацию, либо вызывают скорую помощь. А этот...

– Не могли бы вы мне подсказать, как именно я...

– Попали сюда? Вы пришли по тропинке, – Дмитрий Петрович улыбнулся.

– Я проснулся сегодня утром и обнаружил, что лежу на тропинке, – Шатов сказал это медленно, чтобы не сорваться.

– И что вас не устраивает в этом? – поинтересовался Дмитрий Петрович.

– Я не ложился там спать.

– А где же вы ложились?

– Это не важно, – Шатов задержал дыхание на секунду, потом осторожно выдохнул.

Осторожно, чтобы вместе с воздухом не вылетело какое-нибудь ругательство.

– А что же важно? – осведомился Дмитрий Петрович.

– Важно то, как я туда попал.

– Вы полагаете? – чуть приподнял брови Дмитрий Петрович.

Шатов помолчал, сосредоточив все внимание и силу воли на своих руках. Они сжались в кулаки и никак не хотели разжиматься. Спокойно. Еще не пришло время убивать. Еще только утро. И не враг перед нами, Евгений Шатов, а только болтливый старикан. Неприятный старикан, но ничего с этим не поделаешь. И, кстати, не похож он на местного директора музея. Каким бы крутым не было арендное предприятие, но жить в подобной роскоши сельскому интеллигенту будет позволено только в качестве дрессированной обезьянки.

– Видите ли, Евгений Сергеевич, очень часто то, что нам кажется важным, на самом деле таковым не является, извините за банальность, – Дмитрий Петрович всплеснул руками, словно изреченная им самим банальность его самого застала врасплох и удивила. – Вот, например, человек тонет. Всех, кто хочет его спасти, меньше всего будет интересовать то, как бедняга оказался на середине реки. Всех будет интересовать то, как его оттуда вытащить.

– Вы меня простите, Дмитрий Петрович, но у меня складывается такое впечатление, что вы... – Шатов лихорадочно искал в голове нужное слово, – ...вы рассматриваете мои вопросы, да и меня самого, как некое развлечение.

– Представьте себе – да. В нашей глуши новый человек, а тем более, такой как вы – большая редкость. И, не обижайтесь, развлечение.

– Но не шут, – резко сказал Шатов и встал.

– Да куда де вы все время вскакиваете? – засмеялся Дмитрий Петрович. – Если вы потратите на меня и на завтрак несколько минут, мироздание не рухнет. А вы, глядишь, получите нужную информацию.

– Меня в настоящий момент интересует то, как я оказался здесь.

– А если я не знаю? Для меня вы вдруг появились на вершине холма, постояли некоторое время, рассматривая окрестности, потом присели возле сумки, что-то там перебирали внутри. А потом прошли к дому. Причем – безошибочно и без колебаний, – Дмитрий Петрович показывал восхищенно головой.

Дался ему этот дом. Шатов потерял руки. Вернулся к стулу. Сел. Снова встал.

– Вы меня откуда-то знаете, Дмитрий Петрович.

– Да. До сегодняшнего утра – заочно, но подробно.

– Откуда? И отчего вы были уверены в том, что я сегодня утром сюда приду?

– Ну, наверное, потому, что мне об этом сказали, – пожал плечами Дмитрий Петрович.
– Кто?

– Это так важно? А если бы мне этого не сказали? Если бы это мне приснилось? Или если бы оказалось, что вы вообще только плод моего воображения?

– Не понял.

– Это так, к слову, – засмеялся Дмитрий Петрович.

Шатову стало зябко. Как обычно, когда ситуация принимает странный оборот.

Он чокнутый, этот Дмитрий Петрович. Совершенно определенно – шизанутый. С каким странным выражением лица он преподнес эту фразу о плоде воображения... С каким-то болезненным предвкушением. Или...

– Но мы не об этом говорим, – Дмитрий Петрович пробарабанил пальцами по столу. – Воображение – это то, что обычные люди обычно недооценивают. Воображаемый мир для них, это нечто бесплотное и нереальное... Чушь!

Это свое «чушь» Дмитрий Петрович выкрикнул, энергично взмахнув рукой.

– Они полагают, что знают реальность... Им кажется, что только у них в руках универсальный ключ от вселенной. Идиоты!

Да, подумал Шатов, а не пора ли нам пора. В смысле – на фиг отсюда, на волю, в пампасы. Так, кажется, кричал один из пациентов сумасшедшего дома у Ильфа с Петровым?

– Вот даже вы, Евгений Сергеевич, стали задавать вопросы слабые и второстепенные. Даже вы, хотя вам сам бог велел стремиться к сути, интуитивно нащупывая все хитросплетения ситуации.

– Тогда, может, вы мне поможет сформулировать правильные вопросы? – Шатов снова вернулся к столу. – Укажете мне на хитросплетения?

Дмитрий Петрович хихикнул и погрозил пальцем Шатову:

– А вы хитрец, Шатов. Вы большой хитрец!

– Но все-таки, Дмитрий Петрович.

– Все-таки... – повторил за Шатовым хозяин дома. – Вам предложить вопросы, ответы на которые я знаю, или просто самые важные?

– Все подряд.

– Все подряд... Что ж, верно. Правильно сформулированный вопрос – это уже на девяносто процентов ответ. Извольте.

Теперь Дмитрий Петрович напоминал фокусника на пенсии, после длительного перерыва получившего некоторое подобие зрительской аудитории. Тонкими длинными пальцами Дмитрий Петрович, закрыв глаза, помассировал виски. Улыбка коснулась уголков его тонких бледных губ.

– Зачем я здесь? Надолго ли? И как мне отсюда уйти? – Дмитрий Петрович открыл глаза и остро взглянул в лицо Шатову. – Это, как мне кажется, то, что для вас сейчас самое важное.

– А я могу теперь задать эти вопросы вам? – Шатов спросил и затаил дыхание.

– Конечно. Иначе зачем бы я вам их предлагал?

– Итак, – Шатов сглотнул, – зачем я здесь?

– Не знаю, – губы Дмитрия Петровича снова дрогнули, словно пряча улыбку.

Шатов напомнил себе о необходимости соблюдать спокойствие. Не исключено, что и на два других собственных вопроса старик приготовил такие же ответы. Его это развлекает. Но все равно, попробовать стоит.

– Как мне отсюда выбраться?

– Это вам предстоит решить самому, Евгений Сергеевич.

Шатов скрипнул зубами.

– Не злитесь, Евгений Сергеевич, это не издевка и не розыгрыш. Отсюда... – жест охватывающий горизонт, – ... нет определенного выхода. Нет ворот с надписью «Выход», как нет

и надписи «Выхода нет». Тот, кто хочет уйти самостоятельно, должен искать выход сам. Не исключено, что ему помогут. Не исключено также, что ему помешают. Не исключено также, что его просто отпустят, когда наступит срок.

– И надолго я здесь, по-вашему?

– Честно? – лицо Дмитрия Петровича стало серьезным.

– Конечно, честно! – помимо воли Шатов напрягся.

Конечно, можно было просто послать на фиг и не принимать близко к сердцу то, что может сболтнуть явно ненормальный абориген. Но сердце дрогнуло.

– Если честно, то наверняка я не знаю, но... – Дмитрий Петрович приподнял ладонь, останавливая нетерпеливый жест Шатова. – Но как мне кажется...

Пауза.

Шатов затаил дыхание.

– Мне кажется, что навсегда.

Глава 2

Странно, но никто не умер, ни Шатов от разрыва сердца, ни Дмитрий Петрович от удара стулом по голове. Шатов сдержался. И даже усмехнулся, не сразу, после паузы и довольно криво, но, тем не менее, усмехнулся, смог раздвинуть губы в нужном направлении.

Скотина пожилая. Шутки, значит, шутим. Навсегда, говорим, блин горелый! Да я... Спокойно. Нечего с ним устраивать гляделки с перебранками. Говорит? И пусть говорит. Не нужно обострять. Хрен его знает, у них, у шизофреников, может быть так принято. Или даже не у шизофреников, а просто у местных жителей так повелось с древних времен? Приезжали, значит, в эти места разные кочевники дикие, а им местные жители и говорили, что приехать, мол, сюда не фокус, ты выберись отсюда, басурман проклятый. И басурман, соответственно, бросал все к чертовой бабушке и быстро-быстро уезжал в свои басурманские степи. А местные жители...

Дмитрий Петрович молча рассматривал Шатова, как скульптуру. Или... Шатову стало не по себе – его рассматривали, как экспонат из коллекции, как экзотическую козявку на булавочке. Сквозь лупу. Вон, даже прищурился специалист, чтобы, не дай бог, не пропустить малейшего шевеления усиком козявочки, или лапки.

Еще раз – спокойно. Если ситуация складывается так, что очень хочется стукнуть кулаком по столу и вцепиться в рожу собеседнику – улыбайся, превращайся в масло и мед. Сколько угодно держи фигу в кармане, но внешне...

– Я ответил на все интересующие вас вопросы? – осведомился Дмитрий Петрович.

– Не совсем, – улыбнулся в ответ Шатов, – я так и не узнал, что и когда мы будем есть на завтрак. И будем ли есть вообще.

– Замечательно! – чуть помедлив, театрально вскричал Дмитрий Петрович. – Блестяще! Вот именно это и делает вас таким интересным собеседником и опасным противником. Раз – и вы уже успокоились, перевели разговор на другую тему, а интуиция...

– Что – интуиция? – спросил Шатов.

– А интуиция копошится, перебирает возможные варианты, принимает и прислушивается, ощупывает... Блестяще!

– Вам виднее, – пробормотал Шатов и обернулся в сторону кухни.

И дверь открылась.

– Знакомьтесь, Иринushка, – торжественно произнес Дмитрий Петрович, – это тот самый Шатов. Собственной персоной. Евгений Сергеевич.

– Можно просто – Женя, – автоматически представился Шатов.

– Ира, – сказала девушка, вошедшая в комнату с подносом, уставленным тарелками.

– Вам помочь? – Шатов попытался встать, но девушка засмеялась.

– Зачем? Что тут помогать? Минута дела.

– Иринushка у нас мастерица, – с ноткой гордости произнес Дмитрий Петрович, – рукодельница и затейница.

Затейница и рукодельница, улыбаясь, расставила посуду, пару раз искоса стрельнув глазами в сторону Шатова.

Девушка как девушка. Высокая, крепкая. Очень правильные, не деревенские черты лица, короткая, почти мальчишеская стрижка, длинная стройная шея. Ни грамма косметики на лице, губы яркие от природы, брови четко очерченные. И ко всему этому – ярко-голубые глаза.

Шатов кашлянул, отводя взгляд. Женатый, между прочим, мужик. Какие все-таки мужики кобели, честно подумал Шатов, первый и, наверняка, последний раз видит семнадцатилетнюю девчонку и туда же, давай глазами елозить и взглядом щупать. Клетчатая рубашка,

слава богу, застегнута до воротника и достаточно широка, чтобы скрыть от неосторожного взгляда грудь. А вот джинсы...

Классический стиль, в обтяжку. А там есть, что обтягивать. Кушать вам нужно, Шатов, а не пялиться на попки в джинсах. Тем более что есть, что приятно покушать.

Помидочки-огурчики, несколько ломтей ветчины. Не той желатиновой фигни, которую уже довольно давно продают в магазинах, а настоящей, с легким перламутровым отливом, с тонкими прожилками жирка и неземным запахом. И грибочки, маринованные, с зеленым лучком, и хлебушек свеженький, ласкающий взгляд, и... Хорошо живут крестьяне.

Иринушка, пока Шатов рассматривал гастрономические изыски, сходила на кухню и вернулась с миской вареной картошки, от которой шел душистый пар.

– Приятного аппетита, – сказала Ирина.

– А вы? – спросил Шатов.

– А Иринушка с нами не кушает, – засмеялся тихо Дмитрий Петрович, – Иринушка просто посидит в уголке, наблюдая, как мы поедаем ее стряпню, а потом наведет здесь порядок и уйдет до самого обеда.

Ирина молча улыбнулась Шатову и села в одно из многочисленных кресел.

– Вы кушайте, Евгений Сергеевич, – напомнил Дмитрий Петрович, – все, так сказать, натуральное, местного производства.

– Ага, – кивнул Шатов, – немного непривычно – лопать, когда дама...

– А Иринушка не дама. Она колдунья, волшебница. Лесная нимфа, – Дмитрий Петрович положил себе в тарелку пару картофелин и полил их сметаной из соусника. – А если точно – Цирцея. Тот, кто вкусит ее пищи, уже не сможет уйти отсюда.

– Ага, – еще раз кивнул Шатов, приступая к еде.

Какой умный и начитанный дедок попался. Молодец. Цирцею вот вспомнил. Тот, кто вкушал от ее угощений, действительно оставался на ее острове. Только уже в виде свиньи.

Шатов даже не предполагал, что успел так проголодаться. Поначалу ему показалось, что еды многовато, но через несколько минут он уже с опаской поглядывал на Дмитрия Петровича – не слишком ли тот много ест. Так и вправду можно стать свиньей, жрущей беспрерывно и азартно. А потом придет хозяин с ножичком и...

– Чайку? – осведомился Дмитрий Петрович.

– Спасибо, но я, если можно, молочка, – имитировать благодушное настроение Шатову было просто и даже приятно.

Напряжение понемногу оставило его, и мысли начинали приобретать настроение скорее созерцательное, чем подозрительное. Как говорил кто-то из знакомых, кровь после еды отливает от головы к желудку. И начинает хотеться спать.

Шатов аккуратно допил молоко из стакана, поставил стакан на стол и потянулся:

– Спасибо большое!

– Не за что, – ответила Ирина, молча следившая за процессом принятия пищи.

– Вам помочь помыть посуду?

– Не нужно, спасибо. Я сама.

– Тогда я, – Шатов посмотрел на Дмитрия Петровича, – с вашего разрешения, прогуляюсь тут вокруг.

Шатов был готов к тому, что Дмитрий Петрович начнет протестовать, устроит, чего доброго, истерику, но тот только благодушно махнул рукой:

– И вправду, чего вам в помещении сидеть. Только не забудьте – часикам так к двум – милости прошу на обед. Что у нас сегодня на обед, Иринушка?

– Окрошка, Дмитрий Петрович, как вы заказывали.

– Вот, Евгений Сергеевич, окрошка! Иринушка изумительно готовит окрошку. А на второе?

– Пусть это будет сюрпризом, – Ирина быстро собрала грязную посуду со стола на поднос, – или вы, Евгений Сергеевич, хотите что-нибудь заказать?

– Кто? Я? – Шатов остановился возле самой двери, оглянувшись и помотал головой. – Нет, спасибо. Все что угодно на свой выбор. Я наверняка с ним соглашусь.

– Это разумно, Евгений Сергеевич, – похлопал в ладоши Дмитрий Петрович, – интуиция вас снова не подвела.

Зато тебя подвела, и очень сильно, зло подумал Шатов, с трудом удержавшись, чтобы не хлопнуть дверью. Если кто и собирается здесь обедать, то точно не Шатов. Сейчас нужно взять ноги в руки и быстренько рвануть, куда глаза глядят. В пампасы, в леса. Можно даже в болота. Лишь бы не видеть интеллигентного Дмитрия Петровича и не выслушивать его намеки.

Шатов влетел в свой дом, остановился в задумчивости. Если он сейчас выйдет из дому с сумкой, то бдительный Дмитрий Петрович сразу же сообразит, что гость собрался уходить в отрыв и... А что, собственно, он сделает? Поднимет крик?

С чего это Шатов решил, что Дмитрий Петрович выступает в роли его тюремщика? Если у вас, Евгений Шатов, в голове вавка, пейте зеленку и закусывайте ватой. Так, во всяком случае, советовали его друзья в первом классе. Значит, можно просто спокойно взять сумку и выйти, как ни в чем не бывало? Можно? Можно. Но отчего-то совсем не хочется. Лучше подстраховаться.

Шатов взял сумку, подошел к окну на дальней стене, аккуратно открыл шпингалеты на двойной раме, примерился и швырнул свою сумку. Та пролетела с десятков метров, упала, несколько раз перекувыркнулась на небольшом склоне и остановилась.

Теперь, не торопясь, вальяжной походкой выйдем на крыльцо, оглядимся. А вот и Дмитрий Петрович, собственной персоной, тоже вышли подышать свежим воздухом. Ненароком.

– Не забудьте – обед будет ровно в два часа, – напомнил Дмитрий Петрович.

– А у меня часов нет, – ответил Шатов автоматически. – Пропали.

– Серьезно? – удивился Дмитрий Петрович.

– Куда уж серьезнее. Проснулся, а часов нет.

– Возьмите мои, – предложил Дмитрий Петрович.

Блин, мысленно поморщился Шатов. Такая вот дилемма. Не взять часы, которые Дмитрий Петрович торопливо снимает со своей руки, вызвать подозрение. Взять – стать жуликом. Мелким воришкой. Хотя, они у него часы отвернули и не побрезговали... Кто они? А не важно. Это пусть Дмитрий Петрович разбирается, раз уж решил играть в самого таинственного из обитателей леса.

– Ловите, – Дмитрий Петрович бросил часы, Шатов поймал.

Так себе часики, электронная штамповка родом с Дальнего Востока. Красная цена – три копейки в базарный день. Что, в общем-то, радует. Не придется корить себя за похищении ценной вещи.

– Ну, так я пошел, – сказал Шатов.

– В два часа ровно, не опаздывайте, – в который раз напомнил Дмитрий Петрович.

– Непременно, – Шатов даже прижал руку к сердцу, – ровно в четырнадцать ноль-ноль.

– А то Иринушка будет ждать.

И, видимо, вспомнив о девушке, Дмитрий Петрович вернулся в дом.

И славно.

Шатов глубоко вдохнул. Хорошо. Как бы хреново ни было – все равно хорошо. И воздух! Так и пьянит, проклятый.

Первое, что нужно сделать – сходить за дом и подобрать сумку. Потом... Потом – увидим. Кстати, можно посмотреть в какую сторону пойдет Иринушка. Не двинется же она в дебри, явно пойдет к обитаемому месту. А если и там ничего не удастся узнать – Шатов начинал готовиться к худшему – можно будет идти дальше. Наобум. До первого нормального человека.

Подняв сумку, Шатов прошел метров сто по прямой, стараясь держаться за домом. Остановился и посмотрел на часы. Девять часов тридцать восемь минут. Хорошо.

Опустил руку, но потом спохватился и еще раз поднес часы к глазам. Что-то в них не так. Нажал кнопку. Еще раз. Ага, говорят, что счастливые часов не наблюдают. Дмитрий Петрович не наблюдал дней недели, чисел месяца и годов. Такие электронные часики попадались Шатову первый раз.

Ладненько, это не так важно. Важно – не проглядеть Иринишку.

Симпатичная, кстати, девушка. Что-то в ней есть такое, электризирующее. И как она смотрела на Шатова! Как смотрела! А как она смотрела? Шатов задумался. Смотрела постоянно, но не с восхищением или затаенным желанием... Шатов хмыкнул. Не с желанием, как бы высоко ни оценивал себя Шатов. Она словно всматривалась в него, желая рассмотреть в его чертах или его поведении что-то такое, о чем давно слышала. Что-то очень важное.

Интересно, что имел ввиду Дмитрий Петрович, когда представлял Шатова Ирине как «того самого»? Явно то, что Иринишка уже давно слышала о нем, Шатове, и теперь вот должна в полном объеме оценить важность момента первой встречи. Вот так живешь-живешь, пишешь статьи, бегаешь от убийц, потом ловишь убийц, потом этих убийц убиваешь, снова пишешь статьи, а где-то, оказывается, уже формируются твои фан-клубы, целые деревни знают тебя в лицо и, на всякий случай, держат наготове дом к твоему приходу.

А шеф, между прочим, гоняет тебя, Шатов, как... Как пацана и не ценит вовсе. А ты, Шатов, столкнувшись с почитателями, отчего-то убегаешь. Не нравится? Подвох чувствуешь? Правильно, это твоя интуиция... Шатов сплюнул.

Где там Иринишка? Уж не оказывает ли рукодельница Дмитрию Петровичу и другие услуги, кроме кулинарных? Сколько ей – семнадцать? Шестнадцать? А ему? Около шестидесяти?

Пошляк ты, Шатов. Девчонка посуду моет после тебя, а ты разные гадости о ней думаешь. Нехорошо.

Шатов сорвал травинку, пожевал ее и выплюнул. Где же она там?

Или махнуть на все рукой и пойти гулять самостоятельно? Шатов огляделся.

Сосновая роща, в которой расположены дома, небольшая и редкая. Может быть дальше, на север, она становится гуще и превращается в лес, но с этой стороны видны только луг и река. За рекой снова луга и темная полоса леса почти возле самого горизонта. Обычно вдоль реки имеются тропинки. А тропинки, как правило, ведут к людям. Плюнуть на Ирину и пойти к реке... Потом...

Суп с котом, оборвал свои рассуждения Шатов, увидев, что из-за дома появилась Ирина. И куда она направит свои легкие шаги?

Ирина, небрежно помахивая большой сумкой, спускалась с холма по той самой тропинке, на которой проснулся Шатов. Здравствуй, дерево, сказал Шатов, ты решил искать тропинку возле реки, хотя она начиналась от самого дома. Теперь вот решай, самостоятельно исследовать тропу или в компании с симпатичной девушкой?

С симпатичной девушкой, сразу же подсказала внутренний голос. А хрен тебе. Именно потому, что девушка симпатичная и потому, что так откровенно рассматривала Шатова в комнате, идти лучше без нее. Подождем минут пятнадцать, а потом двинемся потихоньку следом. Очень не хочется снова вести странные разговоры и чувствовать себя полным идиотом. Во всяком случае, полным идиотом при свидетелях.

Шатов глянул на часы. Время пошло. Вы Ирина, идите, а мы пока подождем. Да, подождем пятнадцать минут. Попытаемся поразмышлять на досуге. У нас это в последнее время получается все хуже и хуже. Мы даже умудрились дорассуждаться до райской жизни.

Что мы имеем? Шатов почесал шрам. Мы имеем то, что после перестрелки на дороге в памяти появился небольшой провал. Отложили первый вопрос – что за перестрелка и кто

стрелял в Шатова в лесу? И, кстати, почему это выстрел, вырубивший Шатова, не оставил на теле повреждений?

Вопрос второй – как и зачем Шатов оказался на тропинке, причем с багажом? Что бы там не говорил Дмитрий Петрович, но это все равно очень интересно. Как и зачем.

Третий вопрос – откуда Дмитрий Петрович знает Шатова, отчего плетет о том, что ждал уважаемого Евгения Сергеевича давно? И ведь, похоже, действительно ждал.

А потом еще четвертый вопрос, пятый, шестой... «Навсегда», – сказал Дмитрий Петрович. Ладно, это мы еще посмотрим. Поглядим. Навсегда...

Шатов посмотрел в сторону тропинки – Ирина уже исчезла из виду. Значит, нам пора, сказал Шатов и быстрым шагом двинулся к опушке. Будем играть в следопытов. Потому, что ни во что другое играть не получается. Рассуждать – не время. Как тот студент в анекдоте – чего тут думать, трясти нужно! Необходимо просто выйти за пределы возможного розыгрыша.

Старое журналистское правило – если тебя начинают дурачить, вешать лапшу на уши и дезинформировать, то необходимо увеличить круг своего общения по интересующей теме. Чем больше этот круг будет – тем лучше. Директор завода рассказывает сказки? Поговори с главбухом. Тот также врет? С кассиром. Рабочим, охранником, водителем, продавцом магазина напротив проходной... Всех просто невозможно проинструктировать. И кто-нибудь допустит оплошность. Или оплошность уже допущена, и нужно только найти свидетеля этой оплошности. И при этом вовсе не нужно давить или угрожать, достаточно правильно поставить вопрос, дать возможность человеку продемонстрировать собственную значимость или защитить свое доброе имя. Или еще чего... К каждому человеку имеется ключик, нужно только его подобрать. И возле каждой загадки где-то рядом валяется отгадка. Смотреть только следует правильно.

Вот как сейчас умный журналист Шатов смотрит перед собой и пытается высмотреть девушку с экзотическим именем Ирина. Тропинка – есть. Луг, с разбросанными по нему редкими островками кустарника – имеет место. Дальше, где-то в полукилометре, даже крыши домов виднеются. А вот Ирины – нету. То есть совершенно. А ведь должна она идти по тропинке.

Что скажете по этому поводу, следопыт?

Хрен его знает, товарищ майор...

– А я смотрю – вы куда-то пропали.

Шатов поздравил себя с тем, что не подпрыгнул на месте, услышав над самым ухом девичий голос. Поздравил и только потом медленно обернулся.

Ирина, мило улыбаясь, стояла у Шатова за спиной.

– Я двинулся к речке... – промямлил Шатов, – а потом...

– Увидели меня и решили составить компанию, – закончила за Шатова Ирина.

– Что-то в этом роде... – подтвердил Шатов.

– Тогда можно идти, – Ирина взмахнула рукой, отгоняя надсадно гудящего шмеля.

Шатов проводил взглядом насекомое, откашлялся и как мог беззаботнее спросил:

– А деревня, кстати, как называется?

– А это не деревня, – ответила Ирина.

– Село?

– Село.

– И как оно называется?

– Главное.

– Что главное? – не понял Шатов.

– Село так называется – Главное, – пояснила Ирина.

– Значит, есть еще и Второстепенное?

– Нет. Второстепенного – нет. Есть Второе, Третье... Еще деревни есть. И поселки.

– Веселые у вас тут названия, – вынужден был признать Шатов.

- Названия как названия, – пожала плечами Ирина.
- Нет, ну почему? Обычно бывают села Петровские, Ивановки, Красивые, Отрадные...
- И они поэтому лучше, чем Первое и Второе? – спросила Ирина. – Только из-за этого?
- Наверное, нет, – был вынужден признать Шатов.
- Вот и я так думаю, – Ирина посмотрела Шатову в лицо, – а это у вас от ножа?
- Что? – переспросил Шатов.

У него обычно не спрашивали о происхождении шрама на лице, просто старались не смотреть на него. Это тоже раздражало, но все-таки это не требовало каких-либо действий от Шатова. На прямой же вопрос нужно было отвечать прямо.

- Шрам на лице – от ножа? – повторила свой вопрос Ирина.
- Нет, что вы, – лучше все это перевести в шутку, – это я брился, рука дрогнула.
- От ножа. И, судя по всему, прошло меньше года с того момента, как шрам появился у вас на лице.

– Ира, вам разве не говорили никогда, что задавать вопросы о внешности собеседника не очень этично?

- Говорили. Но шрам у вас просто замечательный...
- Да, его все замечают, – мрачно изрек Шатов.
- Да нет, просто он говорит о вас как об очень везучем человеке.
- Что вы говорите! – желчным тоном произнес Шатов, останавливаясь.
- Правда, – кивнула Ирина, – шрам начинается почти от самого глаза и заканчивается, я смотрю, возле артерии.
- А если он начинается возле артерии и заканчивается возле глаза?
- Нет, начинается он возле глаза, иначе шрам выглядел бы по-другому, – серьезно сказала Ирина.

- Посмотрели? – осведомился Шатов.
- Да.
- Трогать не собираетесь?
- Нет, спасибо.
- Тогда у меня есть предложение двигаться дальше.

Метров сто они прошли молча.

Все-таки, молодежь у нас невоспитанная, констатировал Шатов. Вот так, ни с того ни с сего начать рассматривать и обсуждать шрам на лице у незнакомого человека! Хамка. Правда, хамка достаточно образованная для того, чтобы определить возраст шрама и то, как он нанёсся.

И хирург действительно тогда, в октябре, сказал, что Шатову здорово повезло. Сантиметр туда, или сантиметр сюда и... Дракону тогда повезло значительно меньше. С другой стороны, это помогло Шатову принять решение – тащить раненого серийного убийцу на себе из водостока или пристрелить его на месте. Удар ножом – и Шатов нажимал на спусковой крючок пистолета до тех пор, пока не закончились патроны.

- Вы меня извините, – тихим голосом попросила Ирина, трогая Шатова за локоть.
- Да ладно, – махнул рукой Шатов, – не вы первая, не вы последняя. Шрамы вообще украшают мужчину, так что с этой точки зрения я почти красавец. Вы еще подпали под мое очарование?

- Честно? – неожиданно серьезно спросила Ирина.
- Честно, – несколько опешив, сказал Шатов.
- Подпала и давно.

Шатов кашлянул.

Давно. Она давно подрала под его обаяние. Бог с ним, с обаянием. Почему давно?

- Ира... – Шатов потер подбородок.

– Да?

– Я сейчас буду выглядеть полным идиотом... это не слишком приятное зрелище, но... –

Шатов перевел дыхание. – Откуда вы меня все знаете?

– Нам о вас рассказывали, Евгений Сергеевич.

– Вы никуда не торопитесь, Ира? – спросил Шатов.

– А что?

– Пожалуйста, объясните мне подробно, кто и что вам обо мне рассказывал, – Шатов положил руку на плечо девушке. – Пожалуйста.

– Дмитрий Петрович рассказывал, в школе еще говорили. Ребята...

– Какие ребята?

– Наши. Одноклассники, – Ирина вдруг потерлась щекой о руку Шатова. – У вас тогда еще шрама не было.

Шатов отдернул руку.

В школе, с приятелями обсуждали. Шрама тогда еще не было. С ума они все посходили тут, что ли?

– В какой школе? И в связи с чем? – почти простонал Шатов.

Ирина засмеялась, протянула руку и погладила Шатова по щеке.

– Ира, прекратите это пожалуйста! – Шатов оттолкнул ее руку.

– Что прекратить? – с невинным видом спросила Ирина.

– Вот это! Что вам обо мне говорили?

– Что нам говорили?.. Говорили, что вы рядовой журналист, который используется в темную, который никак не может понять, что именно с ним происходит, и что рано или поздно он погибнет, – Ирина наклонилась и сорвала ромашку. – Потом, когда вам удалось выжить, нам сказали, что такие как вы могут внести хаос в тщательно просчитанный план, и что всегда следует учитывать таких, как вы...

Шатову показалось, что земля под ногами качнулась.

– Это вам в школе говорили?

– В школе. Мы тогда еще спорили, вам снова повезет или нет?

– Снова?

– Ну да, когда все началось заново...

– Ира, – Шатов взял девушку за плечи и тряхнул, – вы хотите сказать, что Дмитрий Петрович рассказывал вам о том, что меня преследует Дракон... серийный убийца. Он рассказывал об этом в прошедшем времени?

– Почему в прошедшем? В настоящем. День за днем. Вас привлекли в оперативную группу, потом погиб ваш сотрудник, потом Дракон, как вы сами его назвали, стал требовать от вас самого выбирать новую жертву... Мне больно, – сказала Ирина.

Шатов убрал руки.

– Это вам, – девушка протянула Шатову ромашку. – А мне нужно бежать.

– А мне нужно... – пробормотал Шатов, – ... мне нужно поговорить с вами подробнее.

– Меня ждут, – Ирина оглянулась на село, до первых домов которого было уже совсем рукой подать. – Давайте мы встретимся после обеда... Или нет, обед, скорее всего, принесу не я, а Галка. Давайте встретимся вечером, после ужина. Часов в одиннадцать. В клубе.

Нетушки, подумал Шатов, сейчас. Вечером меня уже здесь не будет.

– Ира, я хочу все выяснить немедленно.

– Вечером, – засмеялась Ирина, легко уклоняясь от попытки Шатова снова взять ее за плечи. – В одиннадцать, в клубе. Мы там с ребятами бываем каждый вечер.

– Ирина! – Шатов схватил девушку за руку, но та сделала какое-то неуловимое движение и высвободилась.

Шатов потер занывшее запястье.

– В одиннадцать. В клубе! – легко отбежав от Шатова на несколько шагов, крикнула Ирина. – И не забудьте, в четырнадцать ноль-ноль у вас обед. Обязательно.

Ну, не бежать же за ней, в самом деле. И руку она ему провернула очень профессионально. Хорошо еще, что пощадила мужское самолюбие и не заломила руку за спину, или еще как. В школе они, значит, его изучают... Веселая у них школа.

Шатов, значит, копался в крови и собственных соплях, а эти девочки и мальчики под предводительством Дмитрия Петровича внимательно за всем этим следили? И даже спорили, наверное, как быстро загнется зарвавшийся журналист, возомнивший себя борцом с мировым злом. Фигня какая-то.

Сваливать нужно отсюда и как можно скорее. Приехать домой, пообщаться с Мишей Хорунжим. А Миша подскажет, что именно нужно делать со школой, в которой детки учатся на живых примерах. Хорунжий, если сам не придумает, посоветуется с умными людьми. А там, глядишь, можно будет и наведаться сюда с поддержкой. Посмотреть, пощупать. Посмотреть Дмитрию Петровичу в глаза и пощупать его же за горло. И за другие болезненные места.

Можно будет. А пока нужно отсюда слинять. Сколько можно гостить, пора и честь знать.

Жаль, не спросил у девчонки, где тут у них почта и где останавливаются рейсовые автобусы. Ну, да ладно. Все отечественные села скроены по одному образцу – официальные учреждения, включая магазин, собраны в центре. И там же останавливаются автобусы.

Прошло с полчаса, прежде чем Шатов начал подозревать, что село со странным названием Главное отличается от всех населенных пунктов, в которых ему раньше приходилось бывать. Поначалу все казалось обычным. Вернее, не совсем так. Все казалось обычным, но с каким-то мелким штришком, с оттенком, который начал беспокоить Шатова, не попадаясь при этом ему на глаза.

Веселенькие аккуратные дома, пестро покрашенные заборчики и ухоженные сады в каждом дворе. Все это радовало глаз, но заставляло Шатова морщиться. Чистые выметенные улицы были недавно политы водой, чтобы прибить пыль. Асфальт на проезжей части был гладким и ровным.

Люди... Вот людей поначалу Шатов практически и не видел. Не было праздно шатающихся мужиков, или старух, стоящих и сидящих перед домами. Даже дети не бегали по улицам. И ни одной бродячей собаки.

И при этом село не производило впечатления вымершего. Жужжали пчелы, откуда-то издали доносились петушиные выкрики, и что-то очень деловито бухало в отдалении. Похоже, что копер, прикинул Шатов. Что-то здесь строят.

Можно было конечно сходить к стройке, но это Шатов решил отложить на потом, как запасной вариант. Сейчас его больше привлекал центр села.

Село оказалось большим. Улицы – широкими, идущими строго параллельно, с очень четкими перпендикулярными перекрестками. Река, как смог увидеть Шатов, делила село на две части, соединенные добротным бетонным мостом. Недалеко от моста была пристань с несколькими лодками. И там Шатов обнаружил первого человека.

Крепкого сложения дочерна загоревший парень возился на берегу с перевернутой лодкой. Шатов несколько минут потоптался в отдалении, ожидая, что рано или поздно местный житель оторвется от работы для неизбежного перекура, но парень работал методично, вдумчиво и отвлекаться от работы до первых заморозков, похоже, не собирался.

– День добрый, – сказал Шатов, подойдя к лодке.

– Добрый день, – мельком глянув на подошедшего, ответил местный житель.

Шатов замешкался. Обычно в таких ситуациях люди, особенно сельчане, все-таки уделяли внимание новому человеку. Бросали взгляд на его одежду, просто смотрели в лицо и как-то реагировали на то, что незнакомый человек вдруг решил поздороваться. В таких случаях «добрый день» звучало, как просьба задать пару вопросов или что-то попросить. Воды, напри-

мер. А ответ «добрый день» подразумевал обычно именно такое разрешение. Или не разрешение, если ответивший говорил фразу резко, с неодобрением.

Парень возле лодки просто сказал – добрый день. Даже не констатировал, а просто произнес, без интонации или оценки. И на Шатова он взглянул как на деталь пейзажа, без выражения. Посмотрел, увидел, что человек незнакомый и забыл о нем.

– Скажите пожалуйста, – Шатов переместился так, чтобы хотя бы частично попасть в поле зрения сельского труженика.

Труженик наклонился куда-то за лодку и достал банку с краской и кисточку.

– Извините, – снова напомнил о своем существовании Шатов.

Парень макнул кисточку в краску и аккуратно стал красить дно лодки в ярко-синий цвет.

– Мужик, я к тебе обращаюсь, – сказал Шатов, добавляя в интонацию немного грубости. –

Или глухой?

– А не пошел бы ты... – не отрываясь от работы, процедил парень.

– Ты с рождения такой вежливый, или семья и школа постарались? – поинтересовался

Шатов.

Кисточка не дрогнула, методично двигаясь по доскам.

– Ты мне можешь сказать, где у вас почта? – теряя одновременно надежду и терпение, спросил Шатов.

Кисточка аккуратно опустилась в краску, отжала излишек и снова стала елозить по дну лодки. Прикрепленный к ней человек был невозмутим и неразговорчив.

– Веселый тут у вас народ, дружелюбный, – сообщил на прощание Шатов и пошел к мосту.

Интересно, где находится центр села – на этом берегу или на том? Шатов покрутил головой. С утра ему приходится вести себя как Буриданову ослу, делая выбор. Вот сейчас он только решит, что стоит идти на другой берег, как из кустов чертиком выпрыгнет Дмитрий Петрович и начнет восхищаться правильностью и изяществом выбора.

Можно бросить монетку. Шатов полез, было, в карман, но решил не корчить из себя идиота большего, чем есть на самом деле. Нужно просто подумать немного. Совсем чуть-чуть.

Шатов оглянулся на улицу, по которой пришел к мосту. У всех домов на ней есть одна общая черта. И у деревьев в садах – тоже. Шатов не очень хорошо разбирался в ботанике, но сады были посажены не слишком давно. Лет десять, а то и меньше назад. Дома, похоже, были того же возраста. Плюс правильная, почти классическая застройка. Что это значило? А значило это, что все село строили одновременно, по единому плану. И всех жителей одновременно охватило желание сажать сады.

Из всего это следовало, что село было относительно недавней постройки. Село на этом берегу реки. А вот дома на другом берегу... Их вообще трудно было рассмотреть среди высоких деревьев, которым явно было не десять лет. И улица за мостом сразу же делала резкий поворот. На левый берег строгая перпендикулярность линий не распространялась.

И центр, похоже, должен быть там, в исторической части села.

Шатов оглянулся на труженика и помахал рукой:

– Бог в помощь, приятель!

С тем же успехом он мог обращаться к лежащей на берегу лодке.

Всей реки было метров сорок, но на опоре моста висело два спасательных круга и свернутая в бухту веревка. Н-да, подумал Шатов. Он всегда полагал, что в людном месте можно держать ценные вещи без присмотра, только каждый день их пришлось бы обновлять. А вот здесь...

Странное село.

И то, что заречная его часть не носила на себе следа централизованного планирования, не делало село менее странным. Пустынные ухоженные улицы. Аккуратные дома и тщательно покрашенные заборы. И...

Шатов несколько раз постучал по калитке. И нет собак. Ни в одном дворе, мимо которого Шатов прошел, не было собак. Не то, чтобы бродячих. Вообще никаких. Только две или три кошки попались Шатову на глаза.

Странно? Очень может быть. Когда-то Шатову довелось читать результаты исследований каких-то импортных психологов. Они утверждали, что по соотношению домашних собак и кошек в обществе, можно судить о свободе и демократии в стране. Чем больше кошек и меньше собак, тем благополучнее общество. По этому критерию в Главном жили исключительно счастливые и свободные люди.

Ни хрена это Шатову не дает, но отложить это наблюдение на потом – стоит. Как и странное поведение лодочника. Как и невероятную для отечественных сел чистоту и порядок. Отложить. Подальше, чтобы не мешали поискам ответов на главные вопросы.

Стоп. Шатов замер перед первым официальным строением, встретившимся на его пути. Одноэтажное небольшое здание, с лавочкой возле крыльца. Небольшая табличка возле двери лаконично сообщала «Ветеринар».

Первой мыслью было зайти, но Шатов решил и это отложить. Почта. Ему нужна почта. Нужно найти почту...

Как сегодня печет солнце, меланхолично заметил Шатов. Он собрался идти искать почту, вместо того, чтобы войти к ветеринарному врачу и спокойно все выяснить. И где почта, и где останавливаются автобусы. И сколько километров до райцентра. А чтобы он не запаниковал, этот ветеринарный врач, увидев у себя в кабинете человека с частичной потерей памяти, можно сказать ему, что прибыл сюда на лодке. Оставил ее возле моста, а сам отправился...

Входная дверь была не заперта. За ней было небольшое помещение с четырьмя стульями вдоль стены и еще одна дверь. На этот раз – в кабинет.

Шатов постучал.

– Да, – ответили из-за дверей.

– Здравствуйте, – сказал Шатов, входя в кабинет.

– Здравствуйте, – ответил сидевший за письменным столом мужчина лет сорока.

Голос его, правда, немного дрогнул, словно от неожиданности, но Шатов решил сделать вид, что ничего особого не произошло. Мог же, в конце концов, местный Айболит ждать кого-то и немного удивиться, увидев совершенно постороннего с бандитским шрамом на лице.

– Чем могу служить? – спросил ветеринар.

– Извините, – Шатов улыбнулся самой дружелюбной своей улыбкой, – я турист...

Ответная улыбка Айболита стала немного напряженной. Совсем чуть-чуть. Не любят они тут туристов, что ли?

– Мы с приятелями сплавлялись по реке на байдарках, – Шатов присел на край стула, – возле моста остановились, чтобы купить хлеба, овощей, фруктов...

Ветеринар молча кивнул. Улыбка совершенно покинула его лицо, не оставив даже вежливого внимания. Мужчина теперь просто сидел и ждал, когда Шатов закончит свой рассказ. И рассказ этот не слишком хозяина кабинета интересовал.

А как все хорошо начиналось, тоскливо подумал Шатов, понимая, что повел себя как-то неправильно.

– Ребята послали меня за припасами, а мне, к тому же, срочно нужно позвонить в город... – интонация стала почти жалобной. – Не подскажете, где тут у вас почта с переговорным пунктом и магазин или рынок. Я не смог найти ни одной живой души, чтобы спросить.

Айболит снял очки, очень тщательно протер их полкой белого халата, снова водрузил на нос. Откашлялся.

– Почту? – переспросил ветеринар.

– Да. И еще магазин и рынок.

– Рынок... – со странным выражением пробормотал ветеринар.

Это уже начинало напоминать фарс.

– Почта и магазин. Где? У вас? – как можно более четко произнес Шатов.

– Там, – рука хозяина кабинета указала в окно.

– Дальше по улице?

– Дальше. По улице.

– Далеко? – спросил Шатов.

– Далеко. То есть... Не очень. Метров пятьсот, – ветеринар полез в карман и достал носовой платок.

В кабинете было прохладно, но ветеринар вспотел. Капельки пота выступили у него на залысинах и лице. Шатову стало очень неудобно. Очень.

Он встал. Показалось, что Айболит облегченно выдохнул.

– Так вы говорите – пятьсот метров? – уже даже не стараясь улыбаться, спросил Шатов.

– Да, – торопливо кивнул головой Айболит.

– По улице?

– Да. Да, по улице.

Как он не добавил «побыстрее, пожалуйста», удивился Шатов, выходя из кабинета. Нервные тут какие-то люди живут в счастливом селе с названием Главное. Не общительные.

Оглянувшись с улицы, Шатов присвистнул – добрый доктор стоял возле окна и торопливо что-то говорил в телефонную трубку, искоса поглядывая на Шатова.

– А ябедничать – нехорошо! – крикнул Шатов. – Ябед никто не любит, доктор!

Айболит поперхнулся и выронил трубку.

– Благодарю за точную и полную информацию, доктор, – подчиняясь неожиданному порыву, Шатов закричал громче. – Вы мне очень помогли, доктор. Что бы я без вас делал! Спасибо.

Окно с треском захлопнулось. Шатов подождал, пока будет задернута еще и штора, и только тогда двинулся дальше. Странный доктор Айболит, в кабинете он сидит, посетителей боится так, что может обмочиться, продекламировал экспромтом Шатов.

Смешно. С другой стороны – отчего это ты, Женя, так радуешься? Тут впору плакать. Единственным дружелюбным человеком из тех, кого ты встретил с самого утра, оказался придуренный Дмитрий Петрович. Даже очаровательная Ирина чего-то от тебя хотела. Лодочник играл с тобой в молчанку, а бедный доктор Айболит сейчас наверняка занят стиркой своего нижнего белья по причине... По какой причине? И куда это доктор звонил?

Не забивайте себе голову, Евгений Сергеевич. Не нужно. Вы хотели на почту? Идите на почту. Это всего в пяти сотнях шагов.

На четвертой сотне улица закончилась и началась площадь. Хоть что-то человеческое есть в село, облегченно подумал Шатов, рассматривая памятник Ленину. Дежурная поза номер один – вождь без кепки указывает рукой в светлое будущее. Крупный памятник, в селах обычно обходились более мелкими изображениями, а то и вообще бюстами.

В одном из немногих прочитанных Шатовым детективов, автор цитировал ученическое сочинение: «На центральной площади стоит памятник Ленину с протянутой рукой, что символизирует будущее нашей страны».

За спиной у бронзового Ильича высились голубые ели и двухэтажное официальное здание.

Село и при советской власти, судя по всему, было из богатеньких, вон какую домину отгрохали под сельсовет. Или это было правление колхоза-миллионера? Шатов притормозил

возле памятника, поборол в себе желание сунуться в оплот власти. Нужно вести себя проще и естественнее.

Почта, телеграф и телефон, как учил нас великий вождь и учитель.

Шатов осмотрелся, поймал себя на том, что стоит посреди пустой площади, и отошел под деревья.

Становилось жарко. От асфальта потянуло как из печки. Часы показывали уже почти половину первого. Однако, как время летит. Так можно нарваться на обеденный перерыв.

Шатов двинулся вдоль домов. Вот, рыбоинспекция, библиотека. В библиотеку Шатов чуть не вошел, пораженный тем, что в селе еще сохранилось подобное некоммерческое учреждение. Магазин. Шатов помялся, разглядывая сквозь окно продавца – даму лет тридцати. Ладно, потом. Вначале – почта.

Почты не было. Шатов обнаружил еще несколько магазинов, в том числе один книжный, поликлинику, кафе с летней площадкой, кинотеатр без следов запустения с афишей свежего американского боевика, прошел еще раз мимо памятника и оказался на исходной точке. Блин горелый.

Жарко.

На кольцевую прогулку по площади Шатов потратил пятнадцать минут. Спокойно, Жека. Кто тебе сказал, что почта находится на площади? Никто. Она может быть на одной из пяти улиц, уходящих от памятника. Нужно просто выяснить. Хотя бы у той продавщицы в продовольственном магазине.

Только не нужно действовать в лоб, как с ветеринаром. Мягко и ненавязчиво. Купить что-нибудь, обсудить качество товара, проконсультироваться.

Шатов чуть не обжег руку о металлическую дверь магазина. Как ни странно, но в торговом зале было прохладно и пахло то ли кофе, то ли шоколадом, а не сложной смесью продовольственных и хозяйственных товаров. И выбор продуктов был весьма и весьма обширным.

– Жарко, – сказал Шатов.

– Жарко, – согласилась продавец.

– У вас есть что-нибудь холодненькое?

– Вот, – дама указала на застекленный холодильник у себя за спиной.

– Очень хорошо, – Шатов наклонился над прилавком, – тогда мне водичку без пузырьков. Пол-литра.

Дама неторопливо подошла к холодильнику, достала бутылку, вытерла ее чистым полотенцем и поставила на прилавок.

Молча. И взгляд ее блуждал по магазину, аккуратно избегая Шатова.

Спокойно, в который раз напомнил себе Шатов, избегаем резких движений и выражений. Не интересен ей покупатель. Она вообще не разговаривает с посторонними мужиками. У нее, наверное, очень ревнивый муж, который может любовно начистить физиономию просто за не вовремя оброненную улыбку.

Шатов расплатился, открыл бутылку и отхлебнул. Маленький глоток. По такой жаре любая выпитая жидкость имеет тенденцию просачиваться из желудка сквозь кожу и проявляться влажными пятнами на одежде. Крохотными глотками.

– Не поверите, – Шатов вытер губы рукой, – я заблудился.

Судя по всему, дама за прилавком не поверила. Или не услышала. Или ее вообще не волнует то, что кто-то заблудился у нее в магазине.

– Никак не могу найти почту.

– Что? – продавец вздрогнула и немного испуганно посмотрела на Шатова.

– Почту найти не могу. Местный ветеринар сказал, что это где-то здесь...

Дама явственно сглотнула. На ее лице проступило нечто среднее между удивлением и обидой.

– А я не могу найти, – закончил Шатов.

Продавец схватила полотенце и стала протирать прилавок.

– Эй, – окликнул ее Шатов.

Ноль внимания.

– Мадам!

Продавец вытерла прилавок и перешла к бутылкам на полках. А лодочник красил, не отрываясь, лодку. А ветеринар куда-то начал звонить. С ума они посходили, что ли?

– Я журналист, – Шатов достал из кармана удостоверение, – вот, пожалуйста. Я не американский шпион. Мне нужно просто позвонить в город. Или отправить телеграмму.

Перегнувшись через прилавок, Шатов тронул продавца за плечо. Она вскрикнула и отшатнулась, уронив на пол бутылку пива.

– Извините.

– Пошел отсюда! – взорвалась продавец. – Что ты хулиганишь? Делать нечего? Позаливал глаза и пристаешь? Я вот сейчас милицию позову!

– Чего вы расшумелись? – возмутился Шатов. – Кто хулиганит? Никто не хулиганит. Я вежливо спросил, где находится почта. Я даже могу за пиво заплатить.

– Заплатить! – взвизгнула продавец. – Пошел отсюда, козел. Ноги твоей чтобы здесь не было. А то я вот...

– Милицию? – спросил Шатов.

– Милицию!

– Хорошая идея, – обрадовался Шатов. – Где тут у вас участок? Я пойду и сам сдамся за мелкие хулиганство.

– Туда, – указала продавец в сторону памятника.

– В местный Белый дом?

– Туда.

– Премного вам благодарен, – вежливо поклонился Шатов, прижав руку с бутылкой воды к сердцу, – что бы я без вас делал.

Продавец наклонилась и стала собирать осколки разбитой пивной бутылки.

– Денежки за пиво я все-таки положу, – сообщил Шатов, выкладывая мелочь, – чтобы считать конфликт исчерпанным.

Продавец не ответила. Шатову показалось, что она всхлипнула.

– Еще раз – извините.

Дурдом какой-то! Большой такой дурдом. Село для идиотов и неврастеников. Их всех сюда собрали, чтобы они могли жить полноценной жизнью и не чувствовать себя в окружении нормальных людей ущербными. А тут прибыл орел-интеллектуал Шатов и начал смущать больные умы.

Тогда ему нужно было искать не почтамт, а главврача.

Уже час. Местный милиционер мог уйти попить и покушать.

Шатов подошел к зданию за памятником. Одурающе пахли хвоей распаренные ели и розы перед входом. Бутылка в руке казалось ледяной.

Дверь открывалась наружу. За ней был коридор. И ряд дверей, обитых дерматином, в лучших традициях бюрократии. На первой же двери красовалась табличка «Милиция».

Шатов выдохнул и, не стучась, решительно дернул дверную ручку. Дверь открылась легко.

– Здравствуйте, – решительно сказал Шатов, входя.

– Здравствуйте.

За столом, боком к закрытому жалюзи окну сидел старший лейтенант милиции. Гудел кондиционер, старший лейтенант отложил в сторону книгу и обернулся к посетителю:

– Присаживайтесь.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Шатов. – Я к вам за помощью...

– Замечательно, – улыбнулся милиционер и представился. – Старший лейтенант Звонарев Илья Васильевич. Участковый инспектор.

– Евгений Сергеевич Шатов, журналист. У меня такое дело...

– Я могу посмотреть на ваши документы? – улыбаясь, спросил участковый.

– Да, конечно, – Шатов достал из кармана рубашки удостоверение и протянул его через стол. – Вот.

Звонарев открыв красную книжечку внимательно изучил ее содержимое и посмотрел на Шатова, словно сличая фотографию с оригиналом.

– Вот, – сказал Шатов, – я немного заблудился в ваших местах и очень хотел бы связаться со своей редакцией...

Старший лейтенант закрыл удостоверение и в легкой задумчивости постучал им о стол.

– Что-то не так? – спросил Шатов.

– Да нет, все нормально, – снова улыбнулся милиционер и протянул Шатову удостоверение.

– Заблудились, говорите...

– Да. Вышел к селу, хотел найти почту, а люди словно вымерли все...

– Люди работают, – сказал участковый назидательно.

– Все? – удивился Шатов.

– Конечно.

Снова улыбка. Старлей улыбается, как заводной, словно стремится компенсировать неприветливость других обитателей села.

– Мне очень нужно позвонить в редакцию и сказать, что со мной ничего не случилось.

– Понятно, – кивнул участковый, еще раз заглянув в удостоверение Шатова. – Квасу хотите?

– Квасу? – Шатов квасу не хотел, но если это могло установить доверительные отношения с местной властью... – Да, очень.

– Тогда подождите меня минут пять, – попросил Звонарев и встал со стула. – Пять минут.

И дверь за ним закрылась. Удостоверение осталось лежать на столе, между книгой и фуражкой.

Какой замечательный здесь участковый! Просто душа. Умчался за холодненьким квасом для гостя. А вот село какое-то странное. Неестественное. А вот старший лейтенант...

Шатов посмотрел на дверь. А что, для участковых инспекторов естественно изображать из себя гостеприимных хозяев? Или официантов? Не исключено, правда, что Шатова уже ищут по официальным каналам, сообщили всем ментам, что в результате нападения на машину пропал приезжий журналист из самой области, и что нужно немедленно его найти. А тут к старшему лейтенанту Звонареву приходит сам пропавший журналист. Заулыбаешься тут. Не то, что за кваском, за шампанским побежишь. Не кто-нибудь, сам Женья Шатов.

Как это соотносится с приемом у Дмитрия Петровича? Никак. Твою мать, вполголоса выругался Шатов. Никак это ни с чем не соотносится. У него вообще никак ни что ни с чем не соотносится. Нападение на машину – отдельно. Ласковый Дмитрий Петрович и Ирина – отдельно. И село это Главное – совсем отдельно.

Врачи и продавцы устраивают истерику, а милиционеры бегают вприпрыжку за кваском.

Кстати, Шатов задумчиво посмотрел на свое удостоверение, чего это его так внимательно рассматривал старший лейтенант? Удостоверение как удостоверение. На обложке надпись «Обзор». На другой стороне, тоже золотом, «Пресса». А внутри есть фотография и печать, удостоверяющие...

Шатов чуть не выронил удостоверение. Ничего оно не удостоверяет. Ничего.

Нет ни фотографии, ни печати, ни подписи главного редактора агентства. Девственно белые листочки бумаги.

Интересно. Очень интересно. Что же это должен был подумать старший лейтенант Звонарев Илья Васильевич, получив подобный документ? И что должен подумать сам Евгений Сергеевич Шатов, журналист, обнаружив, что случилось с его документом?

А что, собственно, случилось? Кто-то удалил из удостоверения страницы с текстом и заменил их чистыми. Когда? А все тогда же, между выстрелом в лесу и пробуждением на тропинке. Зачем?

А зачем здесь все происходит? И что теперь делать? Встать и уйти, пока не вернулся старлей? И куда он ушел, не за квасом же, в самом деле? Может, он сейчас весело звонит психиатру, и с минуты на минуты за Шатовым должны будут приехать добрые санитары со смиренными рубахами наперевес.

Шатов встал и прошелся по кабинету.

Что бы он там ни подумал, но его нужно заставить позвонить в город. В редакцию. Или, черт с ним, попросить, чтобы он связался с майором Быковым из городского управления автоинспекции. И пусть спросит, знает ли тот журналиста Шатова со шрамом на всю щеку. С такой особой приметой ошибиться трудно. И, кроме того, у Шатова в сумке есть паспорт.

Был паспорт, поправил себя Шатов через десять минут после лихорадочных поисков документов. Паспорта в сумке не было. Сволочи.

Кем бы ни были те, кто украл паспорт и обработал удостоверение, они все равно сволочи. Суки.

Шатов почувствовал, как внутри у него все сжалось. Это было последней каплей. Самой последней. Он еще крепился, еще мог играть с самим собой в прятки, весело болтая с самим собой и делая вид, что все происходящее только повод для иронии и сарказма.

Страшно.

Ему действительно стало страшно.

Это происходит не с ним. Это не может происходить с ним. Это вообще ни с кем не может происходить. Ему слишком хорошо знакомо это чувство. Он уже в избытке нахлебался его раньше, в прошлом году, когда по его следам шли убийцы, когда Дракон начал играть с ним... Ему тоже казалось, что все это происходит не с ним, что это не может с ним происходить.

Он думал, что никто не смеет вот так вторгаться в его обычную жизнь. Вторгаться!

А вырвать его из его привычной жизни, из его мира и швырнуть в другой, нереальный и странный? Это кто мог сделать? Чушь, нелепость, игра воображения... Это все – все – создано только для того, чтобы поиздеваться над ним, Шатовым? Еще раз чушь.

Все это должно иметь реальное объяснение. Ясное и простое. Предельно простое и ясное. Но что делать Шатову?

Зазвонил телефон на столе.

Шатов встал со стула и подошел к окну.

Телефон продолжал звонить. И хрен с ним, подумал Шатов, это явно не к нему. Это к старшему лейтенанту Звонареву, ушедшему на пять минут и слоняющемуся уже... Шатов посмотрел на часы и присвистнул. Часы показывали, что Шатов провел в этом кабинете уже больше часа.

Телефон трезвонил, не переставая.

– Да, – не выдержал Шатов и поднял трубку.

– Евгений Сергеевич? – спросила трубка голосом участкового инспектора.

– Да, с нетерпением жду кваса и объяснений.

– Евгений Сергеевич, вы не сердитесь, – без извиняющихся интонаций сказал Звонарев, – мне срочно пришлось уехать по делу...

– А фуражку вы свою оставили на столе мне на память? – саркастически поинтересовался Шатов.

– Кому она нужна по такой жаре, – резонно возразил Звонарев.

– И что прикажете делать мне? – спросил Шатов.

– Идти обедать, – спокойно сказал Звонарев.

– Мне нужно позвонить в город.

– У нас нет междугородней связи.

– Тогда отправить телеграмму.

– Телеграфа у нас тоже нет, – ровным голосом сказал старший лейтенант.

– Тогда я просто уеду, – как угрозу выкрикнул Шатов. – На автобусе.

– Автобусы у нас не ходят, – Звонарев был сух, деловит, просто ставил в известность человека, что ничего из его попыток вырваться из этого безумия не получится.

– Слушай, старлей... – начал Шатов.

– Это вы меня послушайте, Шатов, – перебил участковый, – перестаньте заниматься ерундой.

– Вы называете ерундой...

– Я называю ерундой то, что вы делаете в селе. Из-за вас могут пострадать ни в чем не повинные люди.

– Мне нужно выбраться отсюда, – повторил Шатов.

– Вам нужно идти на обед, – ответил Звонарев.

– Пошел ты, – Шатов с грохотом бросил трубку на аппарат. – Пошел ты, знаешь куда?

Шатов спрятал удостоверение в карман, вышел из кабинета, постоял немного в коридоре, прикидывая, не стоит ли попытать счастья в других кабинетах, махнул рукой и вышел на площадь.

Но как жарко!

Шатова замутило. Он все равно отсюда уедет. Нет автобуса? Хрен с ним, можно поймать частника. Тут, или на трассе. Если частник будет отказываться везти – отберу машину, пообещал себе Шатов. Набью морду и угоню машину. То, что водить умею очень плохо – плевать. Не на ралли. Просто доехать до нормального населенного пункта.

Жарко.

Пришлось расстегнуть рубашку. Какие все добрые! Не забудьте пообедать! В устах участкового это звучало, как требование вернуться к Дмитрию Петровичу. Требуй у кого-нибудь другого. Захлебнись своими требованиями, подавись.

Никто не заставит его вернуться в ту сосновую рощу и в домик, который он, если верить Дмитрию Петровичу, блестяще выбрал. Просто фантастически.

Шатов потер глаза, пытаясь отогнать пелену, наползающую откуда-то со стороны солнца. Как будто марево студнем заполнило всю площадь и нетерпеливо расталкивает плечами дома и деревья вокруг.

Прозрачное желе с привкусом пыли залепило плотку Шатова и не дает дышать. Тело покрылось потом.

Не хватало еще теплового удара, пробормотал Шатов. Вытащил из сумки бутылку с водой и вылил содержимое себе на голову. Легче не стало.

Нужно где-то присесть. Просто посидеть в тенечке, попить прохладного. Тут где-то было кафе. Симпатичное такое сооружение, очень уютное на вид и со столиками на летней площадке под широкими белыми зонтами.

Совсем рядом, нужно только перейти площадь. Всего несколько шагов.

Всего несколько шагов по раскаленному асфальту, с трудом продираясь сквозь желе марева. Все вокруг дрожит. И асфальт начинает пружинить под ногами, словно превращаясь в пластилин. Или в то же самое марево, которое навалилось на Шатова, как гигантская медуза.

Гигантская медуза с обжигающими щупальцами, огненными нитями, которые оплели все тело Шатов и постепенно всасываются в его плоть. Как больно!

Шатов рванул рубашку, которая облепила его и не давала дышать.

Больно.

Огонь пропитал все тело Шатова и достиг мозга.

Шатов сжал виски, покачнулся. Или это асфальт пошел волной, пытаясь опрокинуть Шатова?..

Мозг от жара пошел пузырями, со свирепой болью лопающимися в черепе.

Руки перестали слушаться, пальцы корчились, как хворост в костре, с каждым движением умножая боль.

Марево уже поглотило все вокруг, осталось только удушливое вязкое месиво. И боль. Боль. Боль.

Шатов упал на колени. Кажется, он закричал. И крик этот только умножил боль.

Встать. Нелепая болезненная мысль. Встать? Это слово потеряло смысл в хаосе боли. И все потеряло смысл. Не было ничего, что Шатов мог бы противопоставить боли. Ничего.

Полыхало тело. Каждая клеточка выворачивалась наизнанку, и каждая секунда растягивалась в бесконечность.

Перед глазами металось багровое полотнище, каждое движение, каждый вздох, каждая мысль несли с собой только боль.

Шатов попытался заставить свое тело подняться. И даже не успел понять, зачем это ему. Просто для того, чтобы сделать хоть что-то.

Глава 3

По небу плыли облака – легкие, снежно-белые и вызывающе независимые. Они плыли куда хотели, не обращая внимания на деревья, которые безуспешно тянулись к ним ветками, чтобы удержать или хотя бы остановить. Они плыли, не глядя на лежащего Евгения Шатова.

Утро, подумал Шатов, и мысль эта была тягучей и безвкусной. Просто – утро. Просто – облака. Просто – сосны. Просто – жаворонок. Все – очень просто.

Шатов закрыл глаза. Не хочу. Не хочу видеть все это. Не желаю. Я хочу лежать вот так бесконечно долго, не обращая внимания ни на что. Просто лежать. И делать вид, что сплю. Он обязан делать вид, что спит, иначе придется встать и увидеть...

Стон вырвался сам собой. Тело напряглось в ожидании боли, замерло, но боли не было. Ее и не могло быть, подумал Шатов, потому, что она только приснилась, привиделась в кошмаре. Как привиделось и все остальное.

Это все было ложью, маревом, бредом. Шатов знал это, Шатов успел убедить себя в этом сразу же, как увидел облака над своей головой и ветки сосен на их фоне.

Он лежит на песке, покрытом рыжей хвоей и поросшем травой. Он обязательно лежит на песке, сером песке, покрытом рыжими и зелеными пятнами. Лежит на тропинке, а где-то рядом стоит его сумка. Шатов не видит ее, но точно знает, что сумка стоит там, хотя не должна там стоять, потому, что он не забирал ее из гостиницы.

Если он встанет и обернется, то увидит несколько домов, стоящих между сосен... Шатов сел, не открывая глаз. Нужно вставать. Все равно придется вставать и идти.

Поет жаворонок.

Шатов открыл глаза.

Сосны, трава, луг, река и лес на горизонте за рекой. Комок подступил к горлу. Нужно обернуться и посмотреть. И убедиться, что все это он не придумал, что дома действительно ждут его, притаившись, тщетно пытаясь спрятаться за серо-оранжевыми стволами сосен.

Шатов опустил глаза. Сумка. Теперь – обернуться. Не нужно торопиться, дома никуда не денутся. Они были там прошлый раз, будет и этот.

Стоят.

Губы Шатова дрогнули. Стоят. Он угадал. Или это уже было с ним? Шатов медленно поднес руку к нагрудному карману рубашки и вынул удостоверение.

Сейчас, на всякий случай предупредил себя Шатов. Не пугайся, Женя. Удостоверение...

Хорошая у него фотография на удостоверении, даже Вита сказала, что удачная.

Шатов закрыл книжечку и снова открыл. Все как положено – фотография, имя с фамилией и печать с должностью. Корреспондент.

Этого не может быть. Не может, хотя бы потому, что он сам видел чистые белые страницы. Совершенно пустые и чистые. Видел. Своими глазами. И еще подумал тогда, что этого не может быть, что...

Стоп, Женя. Так чего не может быть – того, что удостоверение не заполнено, или того, что все записи и фотографии снова на месте? Чего именно не может быть?

Он совершенно точно знал, что удостоверение было заполнено почти год назад... И помнил, как тупо разглядывал чистые страницы в кабинете с табличкой «Милиция». Когда?

Когда он был в кабинете старшего лейтенанта Звонарева? Вчера? Сегодня? Завтра? Ему только предстоит попасть к Илье Васильевичу? Только предстоит извиваться на площади в огне нечеловеческой боли?

Шатову показалось, что он скользит по отвесной стене и не может зацепиться за отполированные камни.

Там, в кабинете, окном выходящем на залитую солнцем площадь, он искал в сумке свой паспорт. Шатов присел на корточки и открыл сумку. Паспорт, как обычно, лежал в боковом кармане.

Все в порядке, пробормотал Шатов. Все в совершеннейшем порядке. Это был только сон. Реальный до безумия ночной кошмар.

На самом деле, Шатов, видимо, приоткрыл глаза, увидел, не до конца проснувшись, эти сосны, облака и реку, а потом снова уснул. И ему примерещилось...

– Просто приоткрыл глаза, – вслух произнес Шатов, словно это могло придать вес нелепой мысли.

Открыл глаза и увидел, что за спиной у него стоят дома. Это не смешно, Шатов. Это совершенно не смешно.

Он уже просыпался среди этих сосен и подходил к тем домам. Он даже обнаружил, что пропали его часы... Шатов взглянул на свое запястье и замер. Часы были на руке, но это были не его «Командирские», а электронная штамповка, которую ему всучил Дмитрий Петрович. Нелепый человек из сна.

Нелепые электронные часы, которые высвечивают только время, четыре цифры. И не желают демонстрировать ни день недели, ни месяц, ни год.

Шатов потерял виски. Бред. Понятно, что это бред, только вот чем именно он бредит, а что видит на самом деле? Если все ему только примерещилось, то откуда часы? Если все, что с ним происходило после того, первого пробуждения – правда, то что случилось с его удостоверением? И случалось ли вообще?

Почему-то дико захотелось смеяться. Упасть и хохотать до слез.

А не сходим ли мы с тобой с ума, Женя Шатов? Мы уже не можем отделить правду от бреда, дорогой. Все это как-то смешалось в нашем уставшем мозгу.

Стрельба на дороге? Полноте, батенька! Какая стрельба? Вы еще скажите, что и в вас стреляли в лесу. Скажете? А чем докажете? Где дырка от пули?

– Все решается очень просто, – сказал Шатов себе, – очень-очень просто. Сейчас мы пойдем к домику, в котором проживает Дмитрий Петрович, и спросим у него... У Дмитрия Петровича, естественно, а не у домика.

Минутку, Шатов взъерошил волосы. Какой Дмитрий Петрович? Этот товарищ был в твоём сне, но это вовсе не значит, что он есть на самом деле. Хотя... Шатов посмотрел на часы. Девять сорок семь.

Часы-то ведь взяли откуда-то. Откуда? Сменял свои на эти по пьяному делу?

И, кстати, если Дмитрий Петрович действительно проживает вон в том домике с черепичной крышей, то что ты будешь у него спрашивать? Прошлый раз... Какой прошлый? Во сне.

Хорошо, во сне ты очень боялся, что тебя примут за чокнутого, если ты будешь спрашивать, как сюда попал. А теперь что ты хочешь узнать? Был ли ты здесь раньше? Не кушал ли вареную картошку под сметанкой, разглядывая симпатичную попку рукодельницы Иринишки? Не кушал? Извините.

Может, просто повернуться и уйти к чертовой бабушке, куда глаза глядят? Уйти, а потом всю жизнь мучиться, пытаясь понять, что там происходило на самом деле.

Шатов задернул «молнию» на сумке и пошел к домам.

Все нормально. Ставим эксперимент на себе. С риском для психики. Если за идиотские вопросы ему сейчас набьют физиономию – тем лучше. Это только убедит его в том, что все нормально.

Вот и дом Дмитрия Петровича. Трава возле крыльца не примята. Дом напротив... Это тот дом, куда Шатов уже заходил. Или наяву или во сне.

Шатов посмотрел на дверь дома Дмитрия Петровича. Сплюнул и поднялся на крыльцо дома напротив. Постучал.

Тишина. Как и следовало ожидать.

Дверь, понятное дело, не заперта.

Шатов поставил сумку на тахту, сам сел на стул. На тот же, на который садился раньше.

Сейчас должен появиться Дмитрий Петрович. Вот с минуты на минуту откроется дверь и седовласый старец произнесет... Что, кстати, он сказал тогда? Поздоровался? А потом начал что-то лепетать про то, как замечательно Шатов выбрал дом.

Вот сейчас. Десять. Девять. Восемь. Семь.

Шатов дошел до нуля и принялся считать отрицательные числа. На минус ста двадцати трех дверь действительно открылась.

– Здравствуйте, Дмитрий Петрович, – сказал бесцветным голосом Шатов.

– Здравствуйте, Евгений Сергеевич, – почти радостно приветствовал его вошедший. – А я смотрю, а вы возвращаетесь с прогулки. Раненько сегодня встали.

– Ага, – кивнул Шатов, – рассвет встречал.

– У нас здесь замечательные рассветы, – радостно согласился Дмитрий Петрович, усаживаясь на стул. – Как самочувствие?

– Спасибо, вашими молитвами.

– Это хорошо, – бодро заявил Дмитрий Петрович. – Готовы к битве?

– Простите?

– Ну, готовы к трепке со стороны местной детворы?

– Какой детворы?

Дмитрий Петрович улыбнулся еще шире:

– Евгений Сергеевич, вы меня пугаете! Такой молодой, и вдруг провалы в памяти. Мы с вами приглашены в школу, на встречу со старшеклассниками.

– Школу? – неуверенно переспросил Шатов. – А мне показалось, что на дворе лето.

– Лето, – подтвердил Дмитрий Петрович, – но мы идем в местный детский дом. Школу развития талантов. Прекратите меня разыгрывать, Евгений Сергеевич.

Старик погрозил Шатову пальцем.

– А то ведь я уже совсем поверил, что вы забыли о приглашении.

– Шутка, – деревянным голосом произнес Шатов. – Извините.

– Ну, да бог с ней, с шуткой, – махнув ладошкой, Дмитрий Петрович встал со стула. – Вы не забыли, что пора идти завтракать?

– У вас? – спросил Шатов.

– Естественно.

– Я приму душ...

– Только не мешкайте. Нам нужно торопиться.

Дмитрий Петрович вышел из комнаты.

Детский дом, говоришь? Встреча со старшеклассниками... Не помню. Совершенно ничего не помню, блин. Когда обещал?

Интересно, душ на том же месте, что и во сне?

Вытираясь после душа, Шатов пытался уговорить себя не нервничать. Все нормально. С кем не бывает? Малость перебрал, забыл, как приезжал, что делал, кому чего обещал...

Спокойно. Просто разберемся во всем постепенно, не торопясь. Нужно просто отделить зерна от плевел, овец от козлищ, бред от реальности.

Главное – не сойти с ума. Ты смотри, Жека, крепче держи свою крышу, чтобы она не уехала. Что-то с ней уже происходит, с твоей крышей, но лучше ее все-таки придерживать.

Стол в шикарной гостиной Дмитрия Петровича уже был накрыт, хозяин сидел на своем месте, несколько картинно опершись подбородком о переплетенные пальцы рук.

– Присаживайтесь, Евгений Сергеевич, – томно произнес Дмитрий Петрович, – будем предвкушать вместе.

– Медитировать по поводу аппетита?

– Ни в коем случае, Евгений Сергеевич, – всплеснул руками Дмитрий Петрович, – медитировать – это отстраняться от всего земного, улетать, если хотите, в заоблачные дали. А я предпочитаю предвкушать. Еда, как и все остальное, собственно, может приносить удовольствие не только рецепторам – вкусовым, слуховым, зрительным и, извините за выражение, обонятельным и тактильным. Еда, как и все остальное, может и должна приносить удовольствие мозгу, душе человека. Вы как бы впускаете еду в свой мозг, позволяете ему самому предугадать, нафантазировать или вспомнить вкус и аромат блюда...

– Так можно и слюной истечь, – сказал Шатов, рассматривая свой столовый прибор.

– Ни в коем случае! – Дмитрий Петрович поднял указательный палец, словно требуя особого внимания к тому, что произносил. – Слюна – это телесное, внешнее. А вот предвкушение... Это...

– Это чувство, которое возникает перед тем, как человек получает возможность вкушать от своей пайки, – довольно желчно произнес Шатов.

– Ну почему же от пайки? От всего. Вспомните, как говорили наши предки! Например, мечь, это блюдо, которое нужно употреблять холодным.

– Обязательно воспользуюсь вашим советом, – пообещал Шатов. – Пренебреженно.

– У вас есть кому мстить? – немного наигранно удивился Дмитрий Петрович.

– Извините, – Шатов легонько постучал вилкой по краю тарелки, – вы имеете ввиду, хочу я кому-нибудь отомстить, или есть ли кто-то, кто хотел отомстить мне?

– И то, и другое.

Шатов откашлялся. Устраивать исповеди для Дмитрия Петровича ему совершенно не хотелось. Обойдется. Достаточно того, что седовласый предвкушатель и так занимает слишком много места в мыслях Шатова. С другой стороны, что в этом вопросе такого? Обычный псевдофилософский треп за столом в ожидании... в предвкушении завтрака.

– До недавнего времени, – сказал Шатов спокойно, – мне казалось, что мстить некому.

– Теперь вы меня простите, – улыбнулся Дмитрий Петрович, – вы имеете ввиду, что вы никому не собираетесь мстить, или не осталось никого, кто хотел бы отомстить вам?

– Ни осталось никого, кому бы хотел отомстить я, – внешне спокойно ответил Шатов.

– Ваши враги долго не живут? – изумленно поднял брови Дмитрий Петрович.

А вот это уже не ваше дело, подумал Шатов, совершенно не ваше дело, уважаемый старый хрен. Абсолютно.

– Признайтесь, – театральным шепотом спросил Дмитрий Петрович, наклоняясь к столу, – вы их убили?

– Да, – кивнул Шатов, – вывел в чистое поле, поставил лицом к стене и пустил пулю в лоб.

– Всех? – ужаснулся Дмитрий Петрович.

– Нет, каждого десятого, остальные частью покончили жизнь самоубийством, частью умерли от разрывов сердца. И сердца их рвались с грохотом ста двадцати миллиметровых артиллерийских снарядов... Было что послушать.

– Вы страшный человек, Евгений Сергеевич.

– Я стараюсь, – скромно потупился Шатов.

– И вы, похоже, и семьи своих врагов вырезали, раз не боитесь мести.

– Семьи? – переспросил Шатов.

– Ну да – семьи, друзей, вассалов и сюзеренов. Учеников, в конце концов, – Дмитрий Петрович скрестил руки на груди, и взгляд его стал совершенно серьезным. – Ведь совершенно одиноких людей не бывает... Вот у вас, к слову сказать, есть жена. Наверняка есть друзья. Они не захотели бы отомстить за вас? Хотя бы для того, чтобы никто больше не посмел думать, что их друзей и родственников можно обижать безнаказанно. Нет?

Разговор с какого-то момента вдруг перестал быть шутливым пустым трепом. Шатов почувствовал, как заныли, напряглись, мышцы спины. И шрам...

Руку от лица лучше убрать. Поглаживание шрама может стать плохой привычкой, привлекающей излишнее внимание к этому украшению. Это, во-первых. А во-вторых, слишком явно демонстрирует, что Шатов начинает волноваться.

Что это мы перешли на такую странную тему? Мсть.

Чтобы занять руки хоть чем-то, Шатов взял хрустальный стакан и посмотрел его на свет.

– Иногда мне кажется, – задумчиво произнес Дмитрий Петрович, – что наши предки были во многом правы.

– Естественно, – Шатов попытался улыбнуться, но это получилось не слишком искренне, – благодаря их правоте мы смогли родиться...

– Напрасно иронизируете, милейший. Да, именно благодаря их правоте мы смогли появиться на свет. Они никому не позволяли обижать себя, своих родственников и друзей. Им было наплевать, что мсть может затянуться или закончиться всеобщей гибелью. Выживает та семья, которая способна защитить себя.

– Или та, которая не отрывается на слишком сильного врага.

– Чушь, – решительно стукнул ладонью по столу Дмитрий Петрович, – враг не может быть слишком сильным. Если это враг, то его сила – это только еще одно обстоятельство, которое следует принимать во внимание перед тем, как всадить ему нож в плотку. Он не сильный или слабый, он – враг! Посему должен быть...

– Убит?

– Убит, – подтвердил Дмитрий Петрович. – Или использован, а потом убит.

– А использован для чего? – поинтересовался Шатов.

– Чтобы убить другого врага, конечно.

– И так до бесконечности.

– И так до тех пор, пока... – Дмитрий Петрович задумался, – хотя вы правы, наверное. До бесконечности. Враги будут появляться раз за разом, вольно или невольно бросая вам вызов.

– Мрачноватая перспектива.

– Обычная. В этом смысле турецкие султаны были совершенно правы, не назначая наследника и полностью игнорируя права первородства, на которых были помешаны европейцы. Братья – дети султана, сами решали, кто из них станет султаном после смерти папы.

– Режь своих, чтобы чужие боялись?

– Конечно! – Дмитрий Петрович разошелся не на шутку, на щеках появился румянец, а в голосе воодушевление. – Султан поступал мудро, как, кстати, многие цари до него. Он только сеял зубы дракона...

Шатовы вздрогнул.

– Вы помните эту легенду о зубах дракона? – спросил Дмитрий Петрович.

– Вы об аргонавтах?

– И о них тоже. Помните, предводителю аргонавтов нужно было вспахать поле и засеять его зубами дракона. А потом...

– А потом, – подхватил Шатов, – из зубов выросли воины.

– Да, воины. Бесстрашные воины.

– Которые потом перебили друг друга, – напомнил Шатов.

– Перебили, – согласился Дмитрий Петрович, – но это только в этом случае. У тех же греков был миф о том, что один из героев таким образом набрал себе помощников. После всеобщего побоища уцелело несколько воинов, ставших родоначальниками целого народа.

Шатов набрал воздуха в легкие, чтобы сказать... А что, собственно, он мог сказать? Намекнуть, что с некоторых пор не любит упоминания драконов в любом контексте? Что Дракон для него – это полусумасшедший ублюдок, который повесил двенадцатилетних мальчика и

девочку, который убил пятнадцатилетнюю девчонку только для того, чтобы продемонстрировать свое всемогущество? Из зубов этого Дракона не могло вырасти ничего, способного основать народ.

Рассказать ему, что чувствовал Шатов, когда Дракон очень вежливо и с претензией на интеллигентность рассказывал ему о своих ощущениях при убийстве?

В комнату вошла Ирина, поставила блюда на стол.

– Здравствуйте, Ира, – сказал Шатов, искренне радуясь, что можно переменить тему.

– Здравствуйте, Евгений Сергеевич, – улыбнулась Ирина, – только я не Ирина, я Светлана.

Будем надеяться, что улыбка не стала слишком глупой, подумал Шатов. Не хватало еще шуток с близничками.

– Вы сестра Ирины?

– Все шутите? – засмеялась девушка. – Нет у меня сестры.

Шатов покосился на Дмитрия Петровича, но тот был слишком увлечен столом.

– Минутку, – потряс головой Шатов, – вас же Дмитрий Петрович называл Иринушкой...

– Светочек, милая, а где же салат? – жалобным голосом простонал Дмитрий Петрович.

– Минуту, – Ирина... или Светлана вышла из комнаты и скоро вернулась. – Вот, пожалуйста.

– Но... – Шатов смотрел в лицо девушке, пытаясь понять, что происходит.

– Кушайте, Евгений Сергеевич, – улыбнулась она. – Я тут на кухне буду, если что – позовите.

Шатов проводил ее взглядом.

Но ведь это она – Ирина, девушка, с которой он шел через луг, и которая потерлась щекой о его руку. И сказала, что он запал ей в душу еще до того, как заполучил свой шрам.

– А вы, батенька, сердцеед, – понимающе улыбнулся Дмитрий Петрович. – И это правильно – Светланка того стоит. Мне бы скинуть годков так тридцать...

– Побойтесь бога, Дмитрий Петрович, – Шатов нашел в себе силы собраться и сделать вид, что ничего особого не произошло. – Девчонке лет шестнадцать.

– Семнадцать, если быть точным, но в селах они взрослеют значительно раньше. И, – Дмитрий Петрович понизил голос почти до шепота, – Света очень вами заинтересовалась. Я бы на вашем месте...

Кобель старый. Шатов механически положил себе в тарелку еду и ел, не ощущая вкуса. Он же точно помнил, что ее звали Ирина. Они познакомились... Вчера? Они познакомились с ней в этой комнате за завтраком. И звали ее Ирина. И одета она была в эти же рубашку и джинсы.

– Светланка, молочка! – попросил Дмитрий Петрович.

– А вам, Евгений Сергеевич? – спросила Светлана.

Пусть она будет Светланой, мысленно махнул рукой Шатов. Если он не помнит толком, что с ним было, то имя тоже мог свободно перепутать.

– Спасибо, Света, – Шатов подождал, пока девушка нальет из кувшина молоко, и взял стакан. – Ваше здоровье!

Светлана вышла на кухню.

– А в вас чувствуется донжуанство, – одобрительно изрек Дмитрий Петрович, – в лучшем смысле этого слова. Так изысканно спутать имя!

– Хорошо еще, что я не знаю ее фамилии.

– Вы еще много не знаете, Евгений Сергеевич, – заметил Дмитрий Петрович, вытирая губы льняной салфеткой. – И это, кстати, очень хорошо.

– Для кого?

– Для вас, в первую очередь, ибо во многом знании многая печаль, – Дмитрий Петрович снова поднял указательный палец. – А сейчас я вынужден вас оставить, дабы подготовить материалы для беседы с талантливыми отроками.

Шатов молча кивнул, как бы соглашаясь, что да, что с талантливыми отроками нужно держать ухо в остро, глаз да глаз нужен с талантливыми отроками. Им, талантливым отрокам, палец в рот не клади...

Какого, кстати, черта, еще и Дмитрий Петрович собрался встречаться с отроками? Шатов понятно – выдающиеся талантливые журналисты такого уровня встречаются редко. Как же не воспользоваться тем, что он проезжал недалеко от детского дома и не организовать для талантливых отроков встречу с ним... Тем более, что, кажется, местные отроки и отроковицы уже давно наблюдают за жизнью и невероятными приключениями журналиста Шатова Евгения Сергеевича. Во всяком случае, Светлана, которая тогда была Ириной, недвусмысленно говорила, что они в школе даже спорили, выживет или не выживет Шатов в схватке с Драконом...

Блин. Шатов уронил вилку, но поднимать не стал.

Четче нужно соображать, Шатов. Если детки отслеживали схватку гигантов... две схватки гигантов – матч и матч-реванш, то это может значить, что помогал им в этом тот, кто знал, чем именно и когда занимается Дракон.

А поскольку Дракон отбирал среди горожан потенциальные жертвы для охоты богатеньких любителей острых ощущений, то... То выходило, что сейчас Шатов попал, как кур в ошип, в поле зрения тех самых хозяев Дракона.

Которых сам Дракон, убивший и организовавший убийство несколько десятков человек, боялся жутко. Настолько боялся, что, провинившись, готов был умереть, лишь бы не попасть им в руки.

Ласковый и заботливый Дмитрий Петрович подходит на роль жуткого хозяина?

Шатов мотнул головой – нет. Но о Драконе и о Шатове он знает многое. Если не все. И если он и вправду знает все о Драконе и Шатове, то все эти разговоры о зубах, мести и предках – неспроста. Ой, неспроста.

Вот такие вот пироги.

Насколько это объясняет фокусы Шатовской памяти – вопрос, конечно, интересный... Очень и очень интересный. Только...

Шатов наклонился и поднял вилку с ковра. А кто сказал, что у него действительно состоялся разговор с Ириной? В смысле – а говорила ли Ирина, или Светлана вообще что-нибудь о Шатове и его шраме? Или все это примерещилось Шатову? Как примерещилось пустое удостоверение.

– Светлана, – позвал Шатов, стараясь, чтобы голос не звучал слишком уж жалобно.

– Да, Евгений Сергеевич, – девушка появилась на пороге кухни, вытирая руки.

– Если я вас попрошу поболтать со мной сейчас, это не будет нарушением ваших планов на ближайшее время?

– Насколько ближайшее? – серьезно спросила Светлана.

– На ближайшие полчаса.

– Не будет, если эти полчаса наступят минут через десять – мне нужно будет прибрать со стола и перемыть посуду.

– Хорошо... – Шатов искоса поглядел на дверь кабинета Дмитрия Петровича, – вы не в курсе, через сколько минут у меня встреча с талантливыми отроками?

– С нами? Часов через пять-шесть. А с младшими – через два часа, – Светлана улыбнулась. – Да вы не бойтесь, у нас в Школе приезжих не обижают.

– Ага, – кивнул Шатов, – у вас обижают своих, чтобы чужие, соответственно, боялись.

Светлана еще раз молча улыбнулась и стала собирать со стола тарелки.

– Так где мы сможем поговорить? – Шатов встал, чтобы не мешать работе.

– Вы сейчас к себе пойдете? – во взгляде Светланы что-то скользнуло, что-то такое, что Шатов смог заметить, но не успел распознать.

– К себе.

– Тогда я зайду к вам, – снова взгляд, на этот раз не такой быстрый.

Интерес в нем мелькнул, или ожидание... Во всяком случае, не обещание, оборвал свои мысли на эту скользкую тему Шатов и вышел из дому.

Попытаемся немного попланировать. Не в том смысле, что пролететь, используя потоки воздуха, а в том, чтобы составить хоть что-то, похожее на план. На маленький планчик. Маленький, но хоть какой-нибудь. Хоть какой...

Шатов сплюнул и поднялся на свое крыльцо. Оглянулся на сочную зеленую траву, спустился и несколько раз прошел по ней, шаркая ногами, приминая и вырывая травинки.

И пусть меня расстреляют «зеленые». Это у них болит голова о сохранении природы, а у Шатова задача несколько уже – сохранить, на сколько это возможно, психику от необратимых изменений. Трава – это зарубка. На память. Если завтра снова что-то произойдет с памятью Шатова, то...

Кстати, неплохая идея. Шатов вошел в дом, чуть притормозил в сенях, оглядываясь по сторонам. Вот взять, например, и чего-нибудь накалякать на стене краской. Или, хотя бы, зубной пастой. Еще опыт пионерских лагерей подсказывал, что засохшая зубная паста отмывается плохо.

Мысль была настолько соблазнительной, что Шатов с минуту обдумывал ее, прежде чем покрутил пальцем у виска. Не хватало только, чтобы ему сделали замечание по поводу хулиганства. Действовать нужно тоньше. Например...

Шатов осторожно обвел взглядом стены комнаты. Ему уже начинают мерещиться скрытые камеры и магнитофоны. Фигня, какие камеры и какие магнитофоны? Жрать самогона нужно меньше.

Вяло прикрикнул, подумал Шатов, нужно жестче. Не может тут быть камер и микрофонов. Не может! Не накручивай себя, не то совсем с ума сойдешь!

Уже лучше, значительно лучше. Теперь – матом. А потом...

Но дурацкое чувство не проходило. Шатов осторожно прошел по комнате и сел на тахту. Ну и что из того, что камер наблюдения быть не может? Будем представлять себе, что они есть. И поведение всех местных аборигенов рассматривать, как подозрительное и умышленное. Против Шатова. До тех пор, пока не удастся хоть как-то закрепить в реальности. Во всяком случае, понять, что именно с ним произошло на самом деле, а что – только примерещилось под действием... Какая разница, под действием чего?

Вести себя нужно естественно, но уделяя внимание мелочам. На всякий пожарный случай. Что может быть самым естественным сейчас? Выложить вещи из сумки.

Кстати, Шатов подвинул к себе сумку. Если он вчера поселился здесь, успел познакомиться с Дмитрием Петровичем... Стоп. Шатов задумчиво почесал шрам.

Сегодня утром, за неимением фантазии и ввиду наличия скудоумия, мы ляпнули Дмитрию Петровичу, что ходили встречать рассвет. И он поверил.

Если предположить, что Шатов действительно мог пойти встречать рассвет, то какого черта он поволок с собой сумку? И почему он эту сумку не разобрал накануне?

В гостинице он, между прочим, вещи из сумки вынул, но ничем ему это впоследствии не помогло. Значит, нужно не просто вещи разложить, но и...

В дверь постучали.

Светлана, подумал Шатов и крикнул:

– Войдите.

– Здравствуй, Женя, – сказал высокий сухощавый парень лет тридцати.

– Здравствуй, – вежливо, но не слишком уверенно ответил Шатов.

Парня он не знал. Во всяком случае – не помнил. Совершенно. Абсолютно. Не помнил, или все-таки не знал?

– Меня зовут Игорь, – парень широко улыбнулся и протянул руку.

– Женья, – Шатов автоматически пожал руку, ожидая продолжения.

– А я только сегодня вернулся, а Дмитрий Петрович мне и говорит, что домик этот снова занят, что это вы.

– Я, – честно признался Шатов.

– Ну, я и решил сразу заскочить, познакомиться, так сказать, непосредственно.

– Вы присаживайтесь, – предложил Шатов.

– Да я на минутку, мне нужно будет бежать. Разве что вечером заскочу... Вы не будете возражать?

– Боже упаси. Почту за честь, – Шатов чуть привстал и церемонно поклонился.

– Черт, – Игорь рукой взъерошил себе волосы, – вот уж не думал, что придется лично пообщаться. Слухи разные были, но конкретно никто ничего не знал...

– Бывает, – кивнул Шатов.

Еще один почитатель, блин. Такое впечатление, что он действительно в восторге от встречи, что давно ее ожидал. И... Странно. Дмитрий Петрович бормотал о мести, о ее неотвратимости. Шатов даже поверил, что попал к хозяевам Дракона. А все встреченные пока чуть ли не на шею бросаются всячески, захлебываются слюной и мстить вроде бы не собираются.

– Шатов, – почти влюбленным голосом протянул Игорь.

– А видели бы вы, как я дом выбрал. С первой попытки, – гордо заявил Шатов.

– Мне Дмитрий Петрович говорил, – кивнул Игорь и осекся.

– Вчера говорил? – деловито переспросил Шатов. – Или сегодня утром?

Улыбка медленно сползла с лица парня.

– Мне пора.

– Понимаю, пора, – теперь уже Шатов улыбнулся.

Должен же хоть кто-то улыбаться в этой комнате. Игорь уже не хочет. Глазки у него, правда, не улыбались и до этого, глазки у него настороженно ошупывали лицо Шатова, словно что-то прикидывая и взвешивая.

В свое время подростку Шатову очень понравилось словечко рекогносцировка. Его проносили профессиональные военные в фильмах про войну, и Шатов потратил некоторое количество усилий, чтобы слово запомнить и научиться воспроизводить без пауз. Рекогносцировка. Это когда военачальник объезжает будущее поле битвы и прикидывает, как бы ему посильнее врезать противнику.

Вот глаза Игоря, не обращая внимания на цветущую улыбку, именно проводили рекогносцировку. Намечали сектора обстрела, направления главного удара и тому подобное.

– Я пойду, – предупредил Игорь.

– Да ради бога! – Шатов поднял руки, чтобы показать, что не собирается задерживать собеседника. – Вечерком – милости прошу.

– Обязательно.

Но выйти Игорь не успел – в комнату стремительно вошла Светлана.

– Игорь, привет! – Светлана запечатлела звонкий поцелуй на щеке парня. – Как прошла охота?

– Нормально, – Игорь искоса глянул на Шатова, – как обычно. Затравили, ждем.

– Здорово, – восхищенно сказала Светлана, – когда будете заканчивать?

– В любую минуту, как только – так сразу.

– А что говорит замок?

Игорь снова бросил взгляд на Шатова, взгляд на этот раз достаточно долгий, похожий на предупреждение. Или напоминание Свете о том, что они в комнате не одни.

– Ты торопишься? – спросила Света.

– Да.

– В Школу сегодня зайдешь?

– А что?

– Там будет Евгений Сергеевич.

– Серьезно? – Игорь вежливо посмотрел на Шатова. – Тогда – обязательно. Ни за что не пропущу.

Шатов задумчиво смотрел на закрывшуюся за Игорем дверь, когда Светлана села на тахту возле него. На расстоянии немного меньшем официального, но большем интимного, слава богу.

Могла вообще бухнуться на колени и обнять за шею. Свободно. Эта нынешняя молодежь... И что бы тогда пришлось делать старому уставшему журналисту? Спасать свой моральный облик или мужское достоинство? Отпихивать или... Шатов откашлялся, надеясь, что не покраснел. Твои мысли, Шатов, твои враги. Или это еще один признак безумия? Хрен вам, господин Шатов. Это если бы ты перестал думать всякие глупости и двусмысленности, тогда бы появился повод для беспокойства. А так – все в норме. Все отлично. Ты еще пока не сошел с ума. Ты еще только собираешься спросить у девушке об этом. Не сошел ли я с ума?

– Света... – для придания доверительности разговору следовало положить ей руку на плечо или, хотя бы, на руку. Но...

– Света, я хотел кое-что выяснить у вас...

– Да, – девушка спокойно посмотрела Шатову в глаза.

– Вы только не смейтесь, – попросил Шатов.

– Ни в коем случае, Евгений Сергеевич, честно.

Какая вежливая и симпатичная пошла нынче молодежь, мысленно порадовался Шатов. И талантливая.

– Мы с вами недавно разговаривали... – Шатов придал своей фразе интонацию, среднюю между утвердительной и вопросительной.

– Разговаривали, – кивнула Светлана.

Один – один, подумал Шатов. Он спросил двусмысленно, она двусмысленно ответила. Теперь попытайся понять, Шатов, что она имеет ввиду. Вы с ней разговаривали накануне или только вот недавно, в доме у Дмитрия Петровича?

Шатов откашлялся.

– Мы с вами шли по дороге к селу... – снова попробуем полувопросительную интонацию.

– Шли, – подтвердила Светлана.

Слава богу, таки шли.

– И разговаривали... – Шатов чуть затаил дыхание.

– Разговаривали.

– И о чем? – Шатов чуть приподнял бровь, чуть-чуть, немного иронично. Мол, я-то помню, о чем мы с тобой разговаривали, а вот помнишь ли ты свои обещания и то, о чем говорила...

Только через несколько секунд Шатов вдруг подумал, что эта его фраза пахнет двусмысленностью. Если Светлана действительно говорила о том, что он ей понравился... Если она действительно потерлась тогда щекой о его руку, то все, что сейчас происходит в комнате выглядит, мягко говоря, пошло. Мужик зазвал к себе в комнату семнадцатилетнюю девчонку и напоминает ей о ее неосторожности.

Сейчас Светлана начнет раздеваться, или станет раздевать его, или просто полезет с поцелуями, а он начнет ей объяснять, что не это имел ввиду, начнет ее мягко отпихивать, а потом войдет Дмитрий Петрович и скажет, что Шатов молодец, с первой попытки попал куда нужно,

или Игорь войдет, чтобы продолжить знакомство и решит, что присутствует при совращении малолетних.

Шатов вздрогнул, когда Светлана засмеялась.

– Но я же просил не смеяться.

– У вас было такое странное выражение лица.

– Выражение как выражение... – буркнул Шатов.

– Очень милое, – Светлана чуть наклонилась к Шатову, и тот почувствовал легкий запах ландыша.

– Так о чем мы с вами разговаривали?

– Вы спросили меня о селе, сказали, что у него странное название...

– А какое?

– Название?

– Да, как называется село?

– Главное.

– Главное... – все сходится, все пока сходится. – А еще о чем мы с вами говорили?

Светлана положила руки на колени, прикрыла глаза и как примерная ученица на уроке отбарабанила:

– Еще мы с вами говорили о том, что у вас шрам на лице нанесен ножом не позднее года назад, что вам очень повезло, причем дважды, что вы очень красивый и понравились мне уже давно, и что мы вас изучали в школе.

Шатов тяжело вздохнул.

– Изучали в школе, – Светлана снова посмотрела в глаза Шатову, и тому показалось, что вся комната заполнилась запахом ландыша. – И я очень хотела, чтобы вы остались живы.

– И я остался жив, – сказал Шатов, отворачиваясь, – пока.

– Да.

– Что – да? Жив или пока?

– И то, и другое. Все мы не вечны, – спокойно сказала Светлана.

– Странное заявление в устах школьницы.

– Выпускницы, – поправила Светлана.

– Поздравляю, – Шатов осторожно прикоснулся к руке Светланы. – И куда теперь после школы?

– В город.

– А точнее?

– В город, учиться.

– А на кого учиться?

Светлана снова улыбнулась:

– А какая разница?

– Но ты же хочешь кем-нибудь стать?

– Космонавтом, – странным голосом ответила Светлана.

– А серьезно?

– Замуж, детей, дом, – Шатову показалось, что Светлана находится где-то далеко.

– Для это вовсе не обязательно ехать в город. Здесь...

– Здесь? – Светлана резко встала с тахты. – Здесь!

– А что, нехватка женихов?

Светлана промолчала, рассматривая ковер на стене.

Шатов посмотрел на нее снизу вверх. Встал.

– Я что-то не так сказал... Извини.

– Ничего, – Светлана дернула плечом, поправила волосы и обернулась к Шатову. – Все хорошо.

Снова на лице улыбка. И улыбка эта в опасной близости от лица Шатова.

Шатов снова сел на тахту. В следующий раз нужно будет беседовать с молодыми девушками только сидя за письменным столом, так безопаснее.

– Вы больше ничего не хотите спросить? – Светлана подняла руки, потягиваясь.

Шатов отвел глаза.

– Еще я хотел спросить...

– Да?

– Как давно я сюда попал?

– Что?

– Не удивляйся, просто ответь.

Светлана засмеялась.

– Все-таки, сколько дней я уже здесь?

– Мне кажется, что вы были здесь всегда, – сказала Светлана.

– А на самом деле? – Шатов подавил в себе желание взять девушку за плечи крепко встряхнуть.

– А на самом деле – слишком мало, – чуть печально сказала Светлана. – Мне девчонки завидуют, а мы с вами даже и не поговорили толком, не то, чтобы...

– Света, пожалуйста, скажи мне, просто ответь, сколько дней я нахожусь здесь, в этом поселке, в этом доме, – Шатов говорил ровно, сдерживая эмоции. – Сколько дней?

Светлана прошла по комнате, словно вальсируя с невидимым партнером:

– А вы умеете танцевать вальс?

– Да.

– Здорово. Тогда я вас приглашаю на наш выпускной вечер. Девчонки с ума сойдут!

– Сейчас я с ума сойду, – предупредил Шатов и встал. – Мне нужно точно знать – как давно я попал сюда.

– И как, – пропела Светлана.

– И как, – Шатов протянул руку, чтобы остановить ее, но девушка легко увернулась.

– Вопросы, вопросы... Зачем? – Светлана вдруг оказалась возле Шатова и положила руки ему на плечи. – Зачем столько вопросов? Просто потанцуйте со мной.

– Света...

– Потанцуйте.

– Нет, – Шатов отстранился, – не хочу.

– Тогда я вам не скажу, – тоном обиженной девчонки заявила Светлана и села на стул. – Не стану отвечать на ваши вопросы. Сейчас.

Она не будет отвечать на вопросы. Не будет. Сейчас. А когда? Когда Шатов с ней потанцует немного? Твою мать, но не приглашать же ее сейчас на тур вальса.

– Вон, с Игорем потанцуете, – сказал Шатов.

– С Игорем... С Игорем мы пойдем на охоту.

– Одно другому не помеха, – Шатов подвинул стул и сел напротив Светланы.

– Помеха.

– А на вид этот Игорь очень приятный молодой человек, – сказал Шатов, – симпатичный такой, милый. Зашел ко мне познакомиться поближе. Сказал, что давно хотел свести личное знакомство.

– Игорь? – на лице Светланы появилась гримаска брезгливости. – Конечно, хотел бы свести... Личное.

– Знаете, Света, у меня такое чувство, что я все время говорю какие-то неправильные вещи. Все невпопад.

– А вы не говорите.

– А что же делать?

– Compliments, – Светлана плавным движением провела по своим бедрам. – У меня красивое тело?

– Гм.

– Бедра, талия, ноги... А грудь? – Светлана подняла руки. – У меня красивая грудь?

– Да, – коротко ответил Шатов.

– А могли бы, между прочим, и сами об этом сказать. Не ждать, пока девушка сама попросит.

– Света, – Шатов постарался сказать это строгим учительским тоном, – я немолодой, женатый мужчина. Это во-первых.

– Не такой уж вы и пожилой...

– Не перебивай. Я люблю свою жену.

– Естественно, вы любите свою жену. Жену нужно любить. Как же иначе?

– Света!

– А что я такого сказала? Я только сказала, что жену нужно любить.

– Да, но каким тоном ты это сказала?

– Нормальным, – вздохнула Светлана. – А каким нужно было?

Интересно, кто здесь взрослый, умудренный житейским опытом человек? Кто из нас должен держать под контролем этот дурацкий разговор? И почему это они вдруг заговорили о пожилых женатых мужчинах, если Шатов собирался говорить совсем о другом?

– Вы остановились на «во-вторых», – напомнила Светлана.

– А, в третьих, молодым девушкам не стоит так вот навязываться пожилым женатым мужчинам, – выпалил Шатов, – и вообще кому бы то ни было так навязываться не стоит.

– А как? – невинно переспросила Светлана.

– Не знаю.

– Ждать, пока вы сами ко мне подойдете?

– Хотя бы.

– Но вы же пожилой женатый мужчина, который любит свою жену. Вы же сами не подходите, – рассудительно сказала Светлана.

Логика в ее заявлении есть, вынужден был признать Шатов. Это, пожалуй, единственное, в чем Шатов обнаружил логику за последнее время.

– Мне пора, – сказала Светлана, вставая со стула, – нужно бежать в школу. У нас сегодня практикум по биологии. Сразу после встречи с вами.

– А на какую тему у нас встреча?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.